

ВЕСТНИК
государственного
университета
«Дубна»

#2 2022

В номере:

**Россия и мир:
политические процессы,
вызовы и перспективы**

**Технологии – наука –
общество**

Вопросы психологии

Проба пера

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук – главный редактор

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – заместитель главного редактора

Кравченко А.Л., аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук – редактор, ответственный секретарь

Члены Редколлегии:

Anna Stetsenko, PhD, Professor Ph.D. Programs in Psychology, The Graduate Center of The City University of New York

Братусь Б.С., доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета психологии Российского православного университета кафедры

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Дулина Н.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Плебанек О.В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ "Научного центра психического здоровья"

Истомина О.Б., доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Субочева О.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н.Э. Баумана

Федотова В.Г., доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Социальная философия и развитие гражданского общества в России», сектор социальной философии ИФ РАН

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии социальной сферы РГСУ

Назаретян А.П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Выпускающие редакторы номера – **Н.Г. Багдасарьян**, доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

А.Л. Кравченко, аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна».

Содержание

Россия и мир: политические процессы, вызовы и перспективы

- Федотова В. Г. «Глядя из будущего» как методология прогнозирования российских перспектив* 3
- Федотова Н. Н. Мягкая сила России: вызовы и перспективы* 10
- Мачина А. А., Валиуллина А. Р. Евроскептицизм в дискурсе правопопулистской партии «Национальное объединение»* 18
- Трусова Е. Н. Эволюция протестных настроений в Германии в фокусе миграционного кризиса 2015–2022 гг.* 28

Технологии – наука – общество

- Резвая Е. П. Методы научного исследования системы подготовки кадров в сфере искусственного интеллекта* 39
- Макарова А. А. Сетевые медиа как инструмент медиа-дипломатии* 49

Вопросы психологии

- Фролов Е. А. Выученная беспомощность и пути ее преодоления у младших школьников: на примере консультативного случая* 61

Проба пера

- Дончук А. И., Элеева К. В. Несогласие в команде: польза инакомыслия* 74

УДК 303.09

В. Г. Федотова

«Глядя из будущего» как методология прогнозирования российских перспектив

Аннотация:

В статье представлен методологический аспект прогнозирования перспектив российского общества. Анализируя положения синергетической науки, разнообразные концепции и результаты экономико-культурных исследований, а также позиции (интерпретации) «западников», «почвенников-славянофилов» и «евразийцев», автор формирует методологический инструмент, согласно которому развитие должно выстраиваться на основе «взгляда из будущего» – образа общества, в котором хотели и смогли бы жить люди, занимающие разнообразные идейные позиции.

Ключевые слова: методология, прогнозирование, образы будущего, синергетика, модернизация.

Об авторе: Федотова Валентина Гавриловна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН; эл. почта: val_fedotova@mail.ru

В этой статье я буду опираться на ранее высказанные мною соображения, которые нашли отражение в моих публикациях. Здесь я представляю их в виде четырех аспектов обозначенной в заголовке проблемы. Во-первых, я предлагаю интерпретацию модернизации как процесса, исходящего из целей будущего развития [4]. Немецкий историк А. Ассман в своей книге «Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна» показала, что будущее не выбрасывает прошлого, а ассимилирует его, устраняя вместе с тем многие его результаты или находя их имплицитно встроенными в настоящее. Однако меня ее взгляд заинтересовал с другой точки зрения, высказанной С. П. Курдюмовым, Е. Н. Князевой и В. С. Степиным. С точки зрения синергетики они обнаружили и другую связь влияния будущего на прошлое и настоящее. Они рассмотрели эту обратную связь на материале естественных наук.

На мой взгляд, сегодня имеет значение будущее, которое способно участвовать в восприятии не только настоящего, но и прошлого. Будущее конструируется, но и при этом открыть его нелегко: «...вместо планомерных поисков – движение на ощупь, случайные или попутные находки, увиденные нередко периферическим зрением где-то в стороне» [1, с. 6]. Примерами конструирования будущего являются концепции модерна и модернизации, основанные на устремлении в будущее. При этом устремленность модернизации в будущее не лишает ее способности понимания и усвоения многого из прошлого и настоящего. Более того, «будущее толкует нас» вместо прежней формулы «прошлое толкует нас».

Методологически это важный поворот, при котором воображаемые культурные факторы, идентичности и образы строятся не только для существования в настоящем и понимании прошлого, но и для будущего социального мира, как бы исходя из ожиданий от будущего. Эта методология еще только в начале пути и имеет больше успехов в физике и в технических инновациях, чем в ценностях и конструировании общества. Но она становится все более приемлемой: сегодня тема будущего для строительства настоящего и понимания прошлого начинает приобретать большую отчетливость.

Чтобы это не показалось преувеличением, приведу также мысль из известной книги английского историка Э. Хобсбаума об изобретении традиций, которое дает возможность из будущего изменить прошлое. Речь идет о том, что, планируя настоящее и будущее, мы реконструируем прошлое, создавая традиции, соответствующие нашим новым планам. Мысль о влиянии будущего на прошлое обретает вполне зримые очертания, связанные с переосмыслением прошлого, появлением новых его оценок. Эту методологию можно назвать «глядя из будущего».

Для России, которая переосмысливает прошлое и настоящее в весьма конфронтационной форме, был бы важен такой взгляд из будущего, который дал бы возможность определить, ориентируясь на культурные и прочие достижения России, конкретные перспективы ее будущего. Сегодня нам приходится говорить о перспективах, а не о перспективе, в силу нарастания нелинейности развития и несформулированного образа будущего. Обществу важно понимать, какой оно хочет видеть Россию. Но в настоящее время существуют культурные, политические, идеологические различия и конфронтации, которые пока не привели к ответу на этот вопрос.

Во-вторых, в России имеются определенные действующие архаические начала культуры, которые она пытается преодолеть. Глубинные структуры культуры, особенно в

архаических обществах – африканских, латиноамериканских, некоторых регионах России сопротивляются изменениям, сущность которых они не понимают или которые не хотят принять. Иногда использование архаики является приемом для того, чтобы побудить к культурно-модернизационным изменениям.

Непарадоксальность подобного вывода раскрыта российским исследователем А. А. Аузаном как в общем виде, так и на примере отдельных стран, в частности России. По его мнению, «в разных странах при модернизациях приходится находить разные ключи к тому, как применить традиционное для движения вперед». Таким ключом может стать так называемый «промежуточный институт» – «”неидеальный” с точки зрения стандарта того, как должны выглядеть институты в развитой стране». Такой институт являет собой «не только наше желание обустроить определенным образом экономику или политическую жизнь, но должен учитывать и те ограничения и темпы процессов, которые идут в стране». Примером, по его мнению, являлся институт земства – «вертикально выстроенный институт гражданского общества, который учитывал наличие и сословной иерархии, и самодержавной власти, но при этом представлял собой важный элемент развития, плоды которого мы видим не только в призрачной социокультурной сфере, но и вполне материально, как до сих пор существующие земские школы и больницы» [2]. А в Южной Корее клановость была использована в качестве «промежуточного института». Определение промежуточных институтов дал В. М. Полтерович, понимающий их как институты, работоспособные при имеющихся ограничениях, в том числе вызванных социокультурными обстоятельствами, и способствующих ослаблению этих ограничений, что создает условия для дальнейших преобразований [3].

Заметим, что Запад не имел образца, который нужно было догнать, и поэтому двигался в направлении модернизации с помощью шагов, не всегда последовательных, но приведших его к сегодняшнему результату. Так, демократия (если говорить о политической культуре), которая провозглашалась изначально целью западных обществ, достигалась ими поэтапно. В XIX в. в США речь шла только о белых мужчинах. В XX в. в результате борьбы за гражданские и избирательные права, демократические права получили женщины и афроамериканцы. Ставя задачу демократизации, западные общества решают ее, идя шаг за шагом, выбирая достижимые на данный момент цели модернизации, адекватные существующей культуре. То есть, модернизация Запада достигалась часто путем строительства «промежуточных институтов», несовершенных, но

пытающихся решить какую-то задачу на основе существующих ценностных представлений и представлений о модели будущего.

Методологически чрезвычайно важно, что применяемый А. А. Аузаном и В. М. Полтеровичем подход, подразумевающий строительство «промежуточных институтов» не требует немедленного рывка вперед и радикального переустройства общества. Промежуточные институты дают возможность разрабатывать нестандартные институциональные решения, предназначенные для преодоления «институциональных ловушек», решения «проблемы колеи» и вывода экономики на устойчивую траекторию развития». Мы полагаем, что при построении промежуточных институтов особенно важно иметь образ будущего страны. Он нужен для того, чтобы получить вектор развития, в том числе и в сфере культуры.

В-третьих, отмечу, что обсуждение российского развития – его прошлого и будущего – всегда начинается с определения места России между Востоком и Западом. Можно выделить несколько основных точек зрения относительно российской идентичности, рассматриваемой по отношению к обозначенным координатам «Восток» – «Запад». Наиболее характерными являются концепции, изолирующие российское развитие (почвенничество, в том числе славянофильское и евразийское), и западничество, определяющее Россию как отсталую Европу.

Западнический, славянофильский и евразийский подходы проявляются уже при интерпретации российской истории. Они по-разному характеризуют пройденный Россией путь. Западники рассматривают российскую историю как историю преодоления отсталости от Запада, начатую Петром и не завершенную в ходе дальнейшего развития. Будущее России – присоединиться к народам Запада. Славянофилы – как историю развития самобытных качеств – православия, соборности, народности, определяющих историческую миссию России сохранять и множить духовные основы человечества. Евразийцы полагают, что судьба России в ее «месторазвитии». Они считают его характеристикой, органически объединяющей географические, этнические, социальные особенности России.

Так обозначились разные точки зрения, находящие различные пути России в прошлом, настоящем и будущем. Некоторыми исследователями они представлены как отрезки российской истории. Присоединиться к сторонникам того или иного пути российского развития можно лишь на основе мировоззренческих предпочтений, ибо нет доказательств истинности какого-то из них. Я предлагала подойти к этой задаче

методологически. При таком подходе каждый из вариантов истолкования российской идентичности способен выявить некоторые действительные особенности, будучи ракурсом интерпретации, а не характеристикой пути российского развития [5].

Все ракурсы интерпретации должны быть обсуждены и учтены, но не могут быть онтологизированы, представлены как реальные возможности. Это предположение возникает в связи с тем, что весь спектр выбора расположен между идеально-типическими конструктами «Восток» – «Запад». Последние, несомненно, имеют под собой географическую, политическую и культурно-цивилизационную почву, но характеризуются они прежде всего своей сущностью: «Запад» — пафосом покорения природы, демиургическим началом, развитием науки, целерациональности, демократией; «Восток» – традиционностью, религиозностью, ценностной рациональностью и пр.

В зеркале методологии судьба России не более определена. Однако в спорах о ее судьбе отражаются, причем вполне адекватно, отдельные стороны. В отличие от классической методологии, которая ориентирует на выбор единственной – истинной точки зрения, что в данном споре зерна истины имеет каждая сторона. Поэтому каждый из подходов, трактуемый классической методологией как путь России, в неклассической будет выглядеть как ракурс интерпретации. Вопрос о «пути» будет решаться на пересечении этих ракурсов.

В силу сказанного ориентация на Западную Европу и Запад в целом, славянофильское и евразийское почвенничество рассматриваются нами не как пути выбора России, а как ракурсы интерпретации, вскрывающие российскую специфичность в ходе модернизации и ее геополитические интересы. В связи с этим задача пересматривается как нахождение возможностей рационального договора о базовых национально-государственных ценностях и интересах, причем такого договора, в котором могла бы принять участие российская провинция.

Условие и цель договора – преодоление конфликта между представителями враждующих течений на основе простого понимания того, что без развития Россия не может быть великой страной (мысль, «полезная» почвенникам и евразийцам) и что без осознания своих национально-государственных интересов и собственной идентичности она не может модернизироваться (мысль, «полезная» западникам). Такая идеология не может решить проблему единства страны, т.к. за столкновением взглядов стоит борьба интересов. Однако без нее не могут быть достигнуты ни общие правила действия, ни жертва части интересов, называемая компромиссом.

По нашему мнению, все ракурсы интерпретации – европейский, почвенный (славянофильский и евразийский) принципиально отличаются тем от трех «путей» развития России, что ни один из ракурсов не является ни единственным, ни единственно возможным. Заведомая односторонность каждого из них очевидна, как очевидна и заведомая относительность правоты каждого, т.е. аргументированность, наличие подтверждающих фактов, ценностная обоснованность. Не приходится ожидать и механического совмещения ракурсов интерпретации.

Если поставить вопрос, какой взгляд на российскую идентичность является верным из всех, перечисленных выше, какой путь и образ будущего он предлагает России, то мы попадем в тот круг бесплодных дебатов, которые ведутся в России уже второе столетие (хотя евразийская концепция — послереволюционный продукт XX в., ее подключение к концептуальным вариантам российского пути разворачивается по логике старых споров славянофильства и западничества).

Решить задачу построения цивилизационного проекта для России – одновременно решить вопрос о совмещении всех ракурсов интерпретации и нахождении реального пути развития. Путь никогда не бывает единственным. Могут быть другие пути. Мы говорим о пути исходя из тех задач, которые страна ставит перед собой сегодня – завершить модернизацию, войти в технологически продвинутый век, построить хорошее общество, сформировать гражданское общество, сделать государство правовым.

В-четвертых, одним из способов сужения пространства выбора возможных альтернатив построения образа российского будущего, детерминированных разными взглядами и ценностными предпосылками, может выступить следующее интеллектуальное упражнение. Нужно представить общество, в котором хотел бы жить человек, который занимает те или иные разнообразные идейные позиции. Но не сам человек, а его дети. Главный вопрос состоит в том, какое будущее любой из нас хотел бы для своих детей. На наш взгляд, поставленная таким образом задача позволит увидеть желаемое направление будущего социальных институтов и культурной среды, где набор эмпирических признаков подходящего, хорошего общества будет в определенной мере сходиться. Так, почвенный и западный проект развития при таком подходе обретают некую общую область институциональных и культурных смыслов.

Таким образом, «глядя из будущего», в данном случае из будущего наших детей, можно попытаться сконструировать и взрастить общее пространство, в котором будет жить человек и к которому будут стремиться люди. Оно будет представлять собой

негомогенную область, имеющую более плотное ядро, по поводу содержания которого возможно достижение максимального консенсуса, и расширяющуюся зону краев, в отношении которых консенсус не будет и не может быть достигнут. Объем данного пространства нельзя преувеличивать, но можно стремиться к максимальному увеличению его центральной зоны [6]. Предложенная нами методология «глядя из будущего» позволяет не только обсуждать, но и проектировать перспективы российского развития.

Библиографический список:

1. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
2. Аузан А. Промежуточные институты. Почему в России нельзя построить все сразу [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. Режим доступа: <http://carnegie.ru/commentary/73216> (дата обращения: 01.10.2022).
3. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ [Электронный ресурс] // Центр стратегических разработок. Режим доступа: <https://www.csr.ru/uploads/2017/10/report-sf-2017-10-12.pdf> (дата обращения: 01.10.2022)
4. Федотова В. Г. Глобализация и модернизация: фактор культуры // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 58–69.
5. Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997. 255 с.
6. Федотова В. Г. Россия как цивилизационный проект: ракурсы интерпретации // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2021. Том XIII. Цивилизационные ракурсы современной России / под ред. Ю. М. Резника. М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2021. С. 56-72.

Fedotova V. G. «Looking from the Future» as a methodology for forecasting Russian prospects

The article presents the methodological aspect of forecasting the prospects of Russian society. Analyzing the provisions of synergetic science, various concepts and results of economic and cultural research, as well as the positions (interpretations) of «Westerners», «Slavophiles» and «Eurasians», the author forms a methodological tool according to which development should be built on the basis of a «looking from the future» – the image of a society in which they wanted and could people who occupy a variety of ideological positions would like to live.

Keywords: methodology, forecasting, images of the future, synergetics, modernization.

УДК 304

Н. Н. Федотова

Мягкая сила России: вызовы и перспективы

Аннотация:

Раскрыта роль мягкой силы США в концепции Дж. Найа и пределы ее влияния, а также мнение Найа о мягкой силе СССР, его критические замечания и предложения в отношении российской мягкой силы. Рассмотрены представления ряда российских и западных исследователей о сильных и слабых сторонах российской мягкой силы, ее содержании и особенностях. Показаны некоторые вехи эволюции российской мягкой силы и ограничения ее применения.

Ключевые слова: мягкая сила, Дж. Най, Россия, культура, власть.

Об авторе: Федотова Надежда Николаевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России; эл. почта: nmfedotova@rambler.ru

Мягкая сила (гибкая власть) – понятие, введенное американским исследователем Дж. Наем для того, чтобы показать «способность добиваться желаемых результатов, в большей степени привлекая, нежели принуждая других», которая возникает «из привлекательности культуры той или иной страны, ее политических идеалов и политики» [3, с. 18, 106]. Это – власть привлекательности, в основе которой лежат три группы ресурсов, заключенные в «ее культуре (в тех странах, где она привлекательна для других), ее политических ценностях (когда она действует согласно им у себя дома и за рубежом) и внешней политике (когда она рассматривается как легитимная, имеющая моральный авторитет)» [3, с. 37-38]. Мягкая сила особенно сильна, когда работают все три ресурса, но этого редко удается достичь.

Культуру Най рассматривает как комплекс ценностей и практик и выделяет в две области – обращенную к элитам высокую культуру, к которой относится литература, искусство, образование, и популярную культуру, которая занимается массовым развлечением. Обе культуры могут выступать как ресурс мягкой силы: «когда культура страны включает в себя универсальные ценности, и политика этой страны продвигает эти

ценности и интересы, которые разделяют и другие, она увеличивает возможность достижения желаемых целей за счет создания связи между привлекательностью и уважением» [3, с. 38]. Поэтому «узкие» ценности и «ограниченные» культуры в меньшей степени способны продуцировать гибкую власть» [3, с. 38].

К странам с универсалистскими культурами Най относит американскую культуру, которая на уровне как высокой, так и массовой культуры, распространяется повсюду. Средством усиления американской привлекательности на уровне высокой культуры служат академические, научные и культурные контакты и обмены среди элит. В отличие от высокой культуры популярная культура добирается до большего числа людей, поэтому она оказывает более сильное воздействие. Привлечение через поп-культуру помогало США в достижении политических целей в восстановлении и демократизации Европы после окончания Второй мировой войны. «Поп-культура», цитирует Най доклад ведущего исследовательского центра «Пью ресерч», «придала новые жизненные силы европейским поствоенным культурам своим элементарным пониманием свободы, раскрепощенностью, жизненностью, современностью и молодостью... Подчинение диктату рынка и бизнеса в то же время содержало в себе некий элемент освобождения от смиренной рубашки традиционных обычаев и норм» [3, с. 82].

Роль поп-культуры сегодня настолько значительна, что из-за нее США выглядят «волнующей, экзотической, богатой, мощной, формирующей направления развития страной – передним рубежом современности и инноваций», цитирует Най американского исследователя Н. Розендорфа, изучавшего роль, которую играет США в условиях глобализации [3, с. 39]. Кроме этого, «поп-культура также создает образ американских ценностей, которые открыты, мобильны, индивидуалистичны... и свободны» [3, с. 80]. В целом, например в Европе, сегодня восхищаются следующими аспектами американской культуры: ее технологическими и научными достижениями, американской музыкой, фильмами, телевидением, идеями в области демократии, методами ведения бизнеса, и распространением американских идей и обычаев» [3, с. 107].

Однако полагаться только на поп-культуру нельзя, поскольку она не всегда приводит к усилению привлекательности. Массовая культура, как показывает Най, помогла одержать политическую победу над коммунизмом в Восточной Европе, но не помогла США победить во вьетнамской войне. «Она не обеспечивает постоянный и однородный ресурс гибкой силы» [3, с. 87]. Кроме того, она может приводить в целом к негативным последствиям для политики страны-излучателя этой силы, т.к. она может

оказывать противоречивое воздействие на разные группы населения в пределах одной страны. Например, по свидетельству турецкого журналиста, приводимого Наем, «распространение волны американской поп-культуры главным образом среди “верхнего среднего класса” и на периферии, среди низшего класса турецкого общества, создало... некую оппозицию идеологии, которую несет эта поп-культура» [3, с. 87].

У способности поп-культуры повлиять и привлечь есть и другие пределы. Влияние поп-культуры США зависит от двух других ресурсов мягкой силы: при определенных обстоятельствах американская внутренняя и внешняя политика могут уменьшить привлекательность этой культуры для других стран. Кроме того, поп-культура может впоследствии приестся иностранной аудитории и стать «менее экзотичной, и, следовательно, менее привлекательной» [3, с. 88]. То есть мягкая сила зависит от контекста ее осуществления.

В 2003 г. Най ввел термин «умная сила», используя это понятие для оправдания вторжения в Ирак. Умная сила в международном пространстве определяется совместной работой как мягкой, так и жесткой силы. В 2011 г. им опубликована книга «Будущее власти», в которой он развивает идеи взаимодействия мягкой силы и умной силы [9]. Уточненное и целостное определение мягкой силы состоит в том, что это – «способность воздействовать на других с помощью ... установления повестки, убеждения и позитивной привлекательности с целью достижения предпочитаемых результатов» [9, с. 21].

Отношения между мягкой и жесткой силой не заданы автоматически, будучи более сложными: «неуловимые ресурсы, такие как патриотизм, мораль и легитимность сильно влияют на военную способность бороться и выигрывать». Жесткая сила однако может сформировать ресурсы, в свою очередь создающие мягкую силу в будущем. Верна и обратная закономерность. Но одна мягкая сила не может обеспечить успехи во внешней политике, нужна и умная сила [9, с. 22]. Най подчеркивает, что мягкая сила работает только в определенном историческом контексте. Даже в США существует тенденция опираться преимущественно на первый аспект власти (инициирование изменений), которая имеет корни в американской политической культуре и институтах: «Ни один политик не хочет казаться “мягким”» [9, с. 18].

Во времена холодной войны два противника – США и СССР – боролись за идеологическое, военное, культурное и экономическое влияние. В плане культурного влияния были выработаны стратегии того, что тогда называлось публичной дипломатией. Най считает, что Россия обладала культурной привлекательностью в советский период

благодаря коммунистической идеологии, способности противостоять и победить нацистскую Германию, противостоянием европейской колониальной системе. Высокая культура России и СССР в то время вызывала всеобщее восхищение, равно как и образовательная система. Балет, симфонические оркестры, классическая музыка, наука и технологии, успехи в космосе, спортивные достижения были широко известны и становились мощным элементом мягкой силы.

Однако в области поп-культуры, отмечает Най, ситуация была иной: «Советский Союз проигрывал битву за массовую культуру и никогда не мог составить конкуренцию Америке в области кинематографии, телевидения или поп-музыки в их влиянии на мир... Американская музыка и американские фильмы просачивались... и оказывали значительное воздействие, в то время как истинно советская продукция в этой области так и не смогла пробиться на американский рынок. Так никогда и не появился социалистический “Элвис Пресли”» [3, с. 111]. По мнению Най, Россия не создала экспортируемой на Запад популярной культуры и нуждается в повышении своей привлекательности.

Д. Каллео отмечает, что «Развал СССР радикально обесценил привлекательность советской марксистской модели и уменьшил привлекательность социалистической и коммунистической моделей в целом. После падения марксизма капитализм стал по умолчанию рассматриваться как победитель. Его победа сделала США триумфатором в наибольшей степени потому, что американские лидеры привыкли представлять свою страну как носителя глобального капитализма. Такая роль, конечно, благословила американскую мягкую силу» [5, с. 68].

Россия встретила 1990-е гг. новой страной, находящейся в глубоком кризисе идентичности, экономики, внутренней и внешней политики. «...Страна, которая была маяком социалистических движений по всему миру, превратилась за несколько лет в разрушенное в моральном и социальном плане государство, съеденное капиталистическими финансами и олигархами, пришедшими к власти через “шоковую терапию”, приватизацию и либерализацию Бориса Ельцина», – считает итальянский исследователь П. Чаппони [2]. Современная Россия никогда не существовала в нынешних границах. Она была шире и географически, и культурно, что создавало и до сих пор создает проблемы для самоидентификации и выработки национальной идеи. Все это негативно повлияло на чувство «мы» и на представление россиян о месте страны в мире. Отношение к собственным культурным ресурсам было очень показательным: «В то время,

как китайские политические элиты (тоже испытывавшие сложности с идеологической интерпретацией происходящего после распада СССР и падения коммунизма – *Н.Ф.*) традиционно предполагали несомненное превосходство китайской культуры..., их российские коллеги сражались с наследием отсталости и предполагаемого более низкого положения в сравнении с развитым Западом» [13, с. 1196].

В начале 1990-х гг. доминировал вариант идентичности «Россия – это часть Европы», выдвинутый российскими западниками и инкорпорированный в официальный курс», – отмечает исследователь российской мягкой силы В. Феклюнина. Но при этом «большинством вариантов российской идентичности, включая официальный курс, разделялась версия России как великой державы...» [6, с. 783].

Начиная с 2000-х гг. Россия предпринимала много усилий по повышению собственной привлекательности в мире. К ним можно отнести языковые и культурные центры за рубежом, культурный обмен и ассоциации, обучение иностранных студентов, гуманитарная и международная помощь, использование привлекательности прецедентных феноменов русской высокой культуры (музыка, балет, опера, театр, живопись и др.). Однако российскую высокую культуру «трудно инструментализировать для практических целей», а «богатые культурные традиции часто находятся в тени негативных восприятий текущих политических событий, происходящих в стране» [11, с. 357]. Кроме того, возможности формирования мягкой силы с помощью массовой культуры ограничены: «В отличие от высокой культуры, современная российская популярная культура, стили жизни и медийные продукты кажутся менее привлекательными для иностранцев и даже для российских соотечественников» [11]. Особую роль в усилении российской интерпретации происходящего, формирования повестки дня и предпочтений на международной арене сыграли канал RT и агентство Sputnik, сопротивляющиеся медиа-гегемонии Запада.

Най отмечал во второй декаде XXI в., что Китай и Россия неправильно понимают и используют мягкую силу. Китай кажется излишне сильным и опасным для своих соседей и нуждается в мягкой силе, чтобы казаться менее угрожающим. А для Британии и России, которые ослабили свое влияние, мягкая сила нужна для того, чтобы, как он говорит «смягчить падение». С его точки зрения, Россия и Китай делают ошибку, считая, что правительство является главным инструментом мягкой силы и делают упор на пропаганду, а правительственная пропаганда очень часто не является заслуживающей доверия. «Лучшая пропаганда – это не пропаганда» [10]. Рекомендация Ная для России – производить больше мягкой силы гражданским обществом, университетами, фондами,

неправительственными организациями, поп-культурой. Он показывает, что в США были случаи, когда правительство буквально разрушало привлекательность вторжением в Ирак (добавим – и в другие страны), но обществу удавалось поддержать мягкую силу, свою привлекательность, несмотря на ошибочность американской политики [10].

Несмотря на критику возможностей российской мягкой силы со стороны Ная, а также нарастание противоречий с западными странами со второй декады XXI века, она отметилась ростом. В 2016 г. британское агентство Portland Communications, составляющее с 2015 г. рейтинг 30-и стран мира, обладающих глобальной мягкой силой [12], впервые включило Россию, которая заняла 27-е место. Первое место в рейтинге получили США. Несмотря на то, что методология данного исследования достаточно спорна, а само исследование является западоцентричным (в этот список в 2016 г. не были включены, к примеру, Китай и Индия), можно говорить об определенных успехах, достигнутых российской мягкой силой, которые заключаются в том, что Россия становится в глазах многих «полюсом притяжения для всех тех лиц, стран или компаний, которые хотят покинуть орбиту США» и продемонстрировать свою собственную идентичность [2].

Страны здесь оценивались по нескольким параметрам, включающим культуру, вовлеченность в международные дела, цифровые технологии, правительство, образование, экономика и др. Россия оказалась достаточно высоко в рейтинге «Мягкой силы 30» по таким аспектам, как «вовлеченность в международные дела» (8-е место), «цифровые технологии» (11 место), и «культура» (14 место). Другие аспекты не получили высокой оценки. США заняли 1-е место по «цифровым технологиям», «культуре», «образованию». К основным ресурсам повышения привлекательности России аналитики относили телеканал RT, ведущий вещание на разных языках, дипломатию, которая является еще одной «сильной стороной России, которая принимает все более активное участие в урегулировании главных международных проблем (Сирия, Иран) и напрямую ведет переговоры с США» [1].

Комментируя попадание России в этот список, С. Караганов заявил: «Россия – одна из немногих стран мира, которая привлекает огромное количество людей стремлением к своей самостоятельности и суверенитету. Это огромный полюс притяжения. Наконец, мы поддерживаем традиционные ценности. ... Одна из причин недовольства нами коллегами на Западе как раз и заключается в том, что мы предоставляем другой, альтернативный и близкий большинству человечества вариант развития» [4].

С 2016 по 2019 гг. Россия входила в рейтинг «Мягкой силы 30». В 2019 г. рейтинг был рассчитан последний раз, а Россия заняла в нем 13-е место. Наивысшие места были получены по таким аспектам рейтинга, как цифровизация и вовлеченность в международные дела, где Россию поставили на 15-е и 12-е места, а достаточно низкими оценками были отмечены бизнес-среда и привлекательность модели правления.

В 2020 гг. консалтинговая компания Brand Finance представила новый рейтинг – Глобальный индекс мягкой силы [7]. Его сутью стала оценка восприятия силы национальных брендов – стран как брендов, – которая зависела от репутации страны и ее влияния. Методология индекса включает оценку таких параметров, как известность, репутация и влияние страны, а также семи «столпов» мягкой силы, куда отнесены бизнес и торговля, правление, международные отношения, культура и наследие, медиа и коммуникации, наука и образование, люди и ценности. Россия вошла в двадцатку стран с наибольшей мягкой силой. В докладе 2021 г. это было 13-е место, а в докладе 2022 г., данные для которого собирались осенью 2021, Россия заняла 9-е место. Первое место было отдано США, за ними следовали Британия, Германия, Китай, Япония, Франция, Канада и Швейцария.

М. Ларуэль, американский специалист по изучению России, отметила недавно, что спецификой мягкой силы России является то, что она имеет не универсальный, а «нишевый» характер. Для него свойственна ориентация на определенную аудиторию и обращение к достаточно ограниченному кругу российских ресурсов. К их числу отнесены история и культура России, советское наследие, современная консервативная политическая идентичность, а также статус бунтаря против либерального порядка на международной арене. Эти четыре аспекта определяют область применения российской мягкой силы [8]. На наш взгляд, мягкая сила представляет собой ресурс, который может выступать в роли капитала при определенных благоприятных внешних обстоятельствах, или существовать, скажем так, в потенциальной и несколько пассивной форме при их отсутствии. Сегодня, к сожалению, возможности использования этого ресурса ограничены.

Библиографический список:

1. Гринспан Э. Мягкая сила России растет [Электронный ресурс] // ИноСМИ. Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20160617/236886539.html> (дата обращения: 07.12.2022).

2. Италия: Самое большое оружие России – мягкая сила [Электронный ресурс] // ИА Regnum. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2179418.html> (дата обращения: 07.12.2022).
3. Най Дж. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; М.: ФСПИ Тренды, 2006. 221 с.
4. Политолог: Россия заслуживает более высокого места в рейтинге «мягкой силы» [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/politics/20160614/1447147413.html> (дата обращения: 07.12.2022).
5. Calleo D. Assessing America's Soft and Hard Power // *Follies of Power: America's Unipolar Fantasy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. Pp. 67–93.
6. Feklyunina V. Soft power and identity: Russia, Ukraine and the 'Russian world(s)' // *European Journal of International Relations*. 2015. № 22(4). Pp. 773–796.
7. Global Soft Power Index [Electronic resource] // Brand Finance. Available at: <https://brandirectory.com/softpower/> (accessed date: 07.12.2022).
8. Laruelle M. «Russia's Niche Soft Power: Sources, Targets and Channels of Influence» [Electronic resource] // *Russie.Nei.Visions*. No. 122. Ifri. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/laruelle_russia_niche_soft_power_2021.pdf (accessed date: 07.12.2022).
9. Nye J. *The Future of Power*. New York, NY: Public Affairs, 2011. 300 p.
10. Nye J. What China and Russia Don't Get About Soft Power. Beijing and Moscow are trying their hands at attraction, and failing – miserably [Electronic resource] // *Foreign Policy*. Available at: <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/> (accessed date: 07.12.2022).
11. Sergunin A. Understanding Russia's Soft Power Strategy / A. Sergunin, L. Jarabeshkin // *POLITICS*. 2015. V. 35(3-4). Pp. 347–363.
12. Soft Power [Electronic resource] // *The Soft Power 30*. Available at: <https://softpower30.com> (accessed date: 07.12.2022).
13. Wilson J. Soft Power: A Comparison of Discourse and Practice in Russia and China // *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 67. № 8. Pp. 1171–1202.

Fedotova N.N. **Russian Soft Power: Challenges and Prospects**

The author reveals the role of US soft power in the concept of J. Nye and the limits of its influence, as well as Nye's opinion about the soft power of the USSR, his criticisms and suggestions regarding Russian soft power. The article outlines the ideas of some Russian and Western researchers about the strengths and weaknesses of Russian soft power, its content and features. The author shows some stages of the evolution of Russian soft power and its limitations.

Keywords: soft power, J. Nye, Russia, culture, power.

УДК 329

А. А. Мачина, А. Р. Валиуллина

Евроскептицизм в дискурсе правопопулистской партии «Национальное объединение»

Аннотация:

Статья посвящена евроскептицизму как одной из важнейших тенденций общественно-политической жизни европейских государств. В этой связи исследовательский интерес научного сообщества к феномену евроскептицизма постепенно растет. Теоретическая часть статьи основана на различных трактовках политического явления и на разделении евроскептицизма на «мягкий» и «жесткий» в соответствии с концепцией П. Таггарта и А. Щербяка. Имея в своей основе негативное отношение как к отдельным интеграционным проектам Европейского союза, так и к интеграции в рамках организации в целом, роль евроскептицизма может стать определяющей для дальнейшего развития политического объединения на европейском политическом пространстве. Правые и крайне правые политические партии апеллируют к евроскептическим настроениям, находя поддержку среди различных социальных групп. Евроскептицизм выступает неотъемлемой частью общеевропейского дискурса. В статье рассматривается французская крайне правая политическая партия «Национальное объединение» в качестве примера отображения евроскептицизма в риторике партии. Авторы статьи исследуют содержание дискурса и анализируют его направленность, а также степень выраженности евроскептических взглядов, соотнося их с типологией разграничения евроскептицизма на «мягкий» и «жесткий».

Ключевые слова: евроскептицизм, евроинтеграция, Европейский союз, политический дискурс, «Национальное объединение».

Об авторах: Мачина Анна Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова; эл. почта: anna_machina@mail.ru

Валиуллина Альбина Равилевна, магистрант 2 курса кафедры информационного обеспечения внешней политики МГУ им. М. В. Ломоносова; эл. почта: valbina99@mail.ru

В последнее время политические процессы, происходящие на пространстве Европейского союза, отчетливо отражают глубокие изменения общественно-политических настроений в европейских странах. Эти изменения характеризуются смещением прежних, в основном, оптимистических взглядов европейцев по отношению к европейской интеграции в сторону разочарования, неодобрения и критики проектов, направленных на дальнейшее усиление интеграционных процессов в рамках организации. Безусловно, мнения граждан по поводу евроинтеграции на протяжении длительного периода времени оставалось различным. Однако в последнее десятилетие евроскептические настроения получают широкое распространение в общественно-политической жизни европейских государств [1, с. 40; 2, с. 88].

Евроскептицизм укрепляет свои позиции в общественном сознании европейцев и в риторике правопопулистских партий, которые выражают эти настроения и оказывают значительное влияние на политику государства. Укрепление евроскептиков связано, прежде всего, с ухудшением экономического положения государств, с недовольством граждан проводимой внутренней и внешней политикой правящими властями, а также с желанием граждан сохранения своей культурной идентичности. На общеевропейском уровне результаты выборов в Европейский парламент в мае 2019 г. показали резкое укрепление электоральной поддержки и увеличение популярности евроскептических сил, что стало ярким свидетельством происходящих сдвигов в общественном настроении европейцев.

Эти изменения происходят и в рамках отдельно взятых европейских государств, в частности, во Франции, где правопопулистская партия «Национальное объединение» (до 1 июня 2018 г. – «Национальный фронт») пользуется большей популярностью среди французов по сравнению с остальными политическими силами в стране [10]. Евроскептический дискурс партии находит отклик и у части французского общества, поддерживающего «Национальное объединение» своими голосами на выборах. Изучение евроскептицизма «Национального объединения» требует рассмотрения того, в какой степени проявляются антиинтеграционные идеи в риторике политической партии.

Теоретико-методологическая база исследования основывается на концепции П. Таггарта и А. Щербяка, анализирующей феномен евроскептицизма с точки зрения его разделения на «мягкий» и «жесткий» [5]. В статье были также применены различные методы, в частности, анализ научной литературы по проблеме изучения, дискурс-анализ,

сравнительно-сопоставительный анализ новостных материалов и классификации евроскептицизма.

Теоретическая основа евроскептицизма: понятие и классификация

Рассматривая теоретический аспект евроскептицизма, важно отметить, что евроскептицизм не представляет собой новый политический феномен нынешнего столетия, а уходит корнями в 1980-е гг. Сам термин был впервые употреблен 11 ноября 1985 г. в статье британской газеты «The Times» с целью выражения «скептического отношения к Европейскому союзу и его политике, которое было бы более гибким, чем еврофобия или антиевропеизм» [7]. Уже с начала 1990-х гг. понятие приобретает более широкое значение, а подписание Маастрихтского договора вызвало дискуссию, во время которой своё мнение высказали противники отдельных аспектов интеграции или евроинтеграции в целом [4, с. 223]. С этого момента феномен евроскептицизма становится постоянным фактором общеевропейской политики.

Тем не менее, термин «евроскептицизм» был введён в научный оборот профессором Университета Сассекса П. Таггартом. Согласно его определению, «евроскептицизм выражает идею случайной или подготовленной, а также прямой и безоговорочной оппозиции процессу европейской интеграции» [16, с. 366]. Безусловно, сегодня термин имеет различные трактовки. Одной из таких является понимание евроскептицизма как «дискурсивной практики политической оппозиции политике ЕС» и «фундаментальной оппозиции принципу европейской интеграции» [5, с. 540], которая может быть выражена в форме призыва к радикальному отказу или отмены предыдущих шагов в интеграции.

Различные определения этого политического феномена подчеркивают определенные аспекты евроскептицизма. Статья основана на следующем понимании евроскептицизма: идейно-политическое течение, выражающееся в негативном отношении к интеграционным процессам в рамках Европейского союза в различной его степени: начиная от политики частичного участия государства в европейских процессах до неприятия членства страны в ЕС. Анализ теоретических основ евроскептицизма требует изучения его классификации в зависимости от степени отношения к интеграционным процессам в рамках европейского пространства. В научном дискурсе представлены самые различные типологии евроскептицизма, однако наиболее классической и общепринятой считается концепция П. Таггарта и А. Щербяка, разграничивающая евроскептицизм на два направления – «мягкий» и «жесткий» [17, с. 9-10].

«Мягкий евроскептицизм» предполагает выражение сомнений по определённым аспектам политики ЕС, проявляющееся в «случайной или подготовленной оппозиции» [17, с. 10] по отношению к интеграции в рамках ЕС. При этом в случае изменений в какой-либо области политики европейская интеграция может быть поддержана в той форме, в какой она находится на сегодняшний день. В то же время, «жесткий евроскептицизм» представляет собой «принципиальное возражение против действующей формы европейской интеграции в ЕС» вплоть до выхода страны из организации [17, с. 10]. Подобные возражения основываются на тех убеждениях, что Европейский союз противоречит глубоко укоренившимся ценностям и даже выступает «воплощением негативных ценностей». Такая типология позволяет проводить линию разделения между политическими партиями европейских государств по критерию отношения к евроинтеграции. Более того, благодаря концепции П. Таггарта и А. Щербяка можно проследить степень проявления и направленность изменений в общественно-политических настроениях людей.

Проявление евроскептических настроений в риторике французской политической партии «Национальное объединение»

На политической арене Франции «Национальное объединение» («Rassemblement national»), основанное в октябре 1972 г. французским политиком Ж.-М. Ле Пеном под названием «Национальный фронт» представляет собой партию евроскептической направленности. При этом евроскептические настроения партии отражены преимущественно в дискурсе лидера партии М. Ле Пен, которая занимает этот пост с 2011 г. Политик открыто критиковала отдельные шаги Европейского союза, предпринятые им в различных областях, например, в период миграционного кризиса 2015-2016 гг. или в период распространения коронавирусной инфекции, и продолжает отстаивать национальные интересы Франции.

Так, например, в октябре 2020 г. Ле Пен, известная антимиграционными позициями, резко выступила против Пакта по миграции и убежищу, представленным Еврокомиссией и предусматривающим ответственность всех государств-членов организации за прием и возвращение иммигрантов, которые прибыли в одну из европейских стран. С точки зрения Ле Пен, документ представляет собой «настоящий договор с дьяволом», целью которого является «подчинить народы и их правительства диктатуре Европейской комиссии» [8].

Более того, на волне миграционного кризиса и в результате целого ряда террористических атак, риторика Ле Пен носила антиевропейский характер, а на повестку дня встал вопрос о выходе Франции из состава Евросоюза. В 2016 г., планируя выдвинуть свою кандидатуру на должность президента Французской Республики, она заявила, что «Brexit будет частью моей политики», рассматривая выход Франции из ЕС в качестве инструмента для освобождения народа «от рабства и шантажа, навязанными технократами из Брюсселя, чтобы вернуть стране суверенитет» [6]. Эта позиция лидера «Национального объединения» нашла свое отражение в предвыборной программе 2017 г., одними из важнейших пунктов которого стали «возвращение французскому народу валютного, законодательного, территориального и экономического суверенитета», а также проведение референдума о членстве Франции в Европейском союзе [9].

Тем не менее, начиная с 2018 г. дискурс Ле Пен по вопросу выхода Франции из Евросоюза постепенно стал смягчаться. Прежде всего, это проявилось в ее отказе от Brexit, от своих взглядов по выходу Франции из еврозоны и Европейского союза в целом. Лидер «Национального объединения» предложила создать «Союз европейских наций» в качестве альтернативы ЕС, в основе которой будет лежать свобода отдельных лиц и народов как одна из высших ценностей Европы, и, следовательно, «именно нации восстановят и спасут Европу» [3]. Безусловно, сдвиг риторики в сторону ее смягчения произошёл в силу необходимости изменения политической стратегии, однако имел в своей основе глубинную причину.

Смещение характера евроскептического дискурса было обусловлено результатами президентских выборов во Франции в 2017 г. По итогам голосования во втором туре, она набрала лишь 33,9% голосов, значительно проиграв своему оппоненту Э. Макрону [13]. В своей предвыборной программе она уделила внимание вопросу проведения референдума по выходу Франции из состава Евросоюза и сосредотачивалась на нем во время своих выступлений и интервью. Однако дискуссии по поводу выхода страны из ЕС вызвали опасения у избирателей и оттолкнули их от поддержки Ле Пен.

Кроме того, дебаты кандидатов в президенты Французской Республики в 2017 г. показали отсутствие четкого видения того, как реализовать план по выходу Франции из политического объединения, что вызвало неопределенность у части французского общества. Предвыборная риторика с ярко выраженной антиевропейской направленностью лишь отпугнула часть электората, на которую рассчитывала Ле Пен. В ей не удалось одержать победу на президентских выборах в 2017 г., несмотря на то что она была одним

из главных претендентов на пост президента Франции. Однако, проанализировав ошибки своей предвыборной кампании, она отказалась от «жесткого» варианта евроскептицизма.

Трансформация риторики произошла в рамках изменения политической стратегии Ле Пен, направленная, прежде всего, на расширение своей избирательной базы. Смягчение дискурса напрямую повлияло на укрепление позиций евроскептиков в Европарламенте. В частности, результаты выборов в Европейский парламент в 2019 г. продемонстрировали изменение баланса сил в Евросоюзе по сравнению с итогами прошлых выборов в Европарламент в 2014 г. Так, например, в 2014 г. Ле Пен от партии «Национальный фронт» получила 24 из 74 французских мандатов в Европарламенте, заняв первое место на выборах во Франции [14]. Причём крайне правая фракция «Европа наций и свобод», в которую вошли 6 партий, среди которых были представлены партии «Национальный фронт», «Лига Севера», «Партия свободы», получила в совокупности 36 из 751 мест в составе законодательного органа ЕС в 2014 г.

Безусловно, такой результат стал триумфом для «Национального фронта» и выявил усиление влияния евроскептических взглядов в обществе. Впоследствии евроскептицизм лишь укреплялся в общественно-политической жизни европейцев. По результатам выборов в Европарламент в 2019 г., крайне правое политическое объединение «Идентичность и демократия», преемник фракции «Европа наций и свобод», в два раза увеличило количество мест [15]. В состав объединения вошли 73 депутата, 22 из которых представляли партию «Национальное объединение». Выборы продемонстрировали серьёзные изменения общеевропейского политического ландшафта, проявившиеся в утрате большинства двух крупнейших традиционных партий «Европейская народная партия» и «Прогрессивный альянс социалистов и демократов» и в расширении поддержки евроскептиков в странах Евросоюза.

Ле Пен прокомментировала успех на выборах следующими словами: «Мы переживаем переворот на политической арене в Европе. Мы приступаем к выполнению этого мандата с энтузиазмом и возлагаем большие надежды на народы» [12]. При этом важно отметить, что после выхода Великобритании из состава Европейского союза количество депутатов Европарламента сократилось с 751 до 705. Соответственно, доля евроскептиков заметно возросла в общем количестве депутатов законодательного органа ЕС, который стал характеризоваться более евроскептической направленностью. В целом, благодаря смягчению риторики Ле Пен удалось привлечь большее число голосов

избирателей. Следовательно, улучшение позиций евроскептической партии напрямую зависело от смягчения её дискурса по вопросу евроинтеграции.

В 2020 г. Ле Пен вновь акцентировала внимание на необходимости оформления Европы наций в качестве замены Евросоюза, поскольку «подлинная Европа – это Европа памяти и преемственности, привязанностей и добровольного сотрудничества», построенная вокруг наций и с учетом национальных особенностей каждой из государств-членов [11]. Кроме того, в 2022 г. в условиях изменений геополитической обстановки Ле Пен продолжает настаивать на необходимости построения альтернативной модели Евросоюзу, чьи действия носят антидемократический характер, а политика противоречит интересам людей и экономикам европейских стран.

Проведение параллели между существующими типами евроскептицизма по концепции Таггарта и Щербяка и характером евроскептических настроений партии «Национальное объединение», представленных в дискурсе лидера партии Ле Пен, можно обнаружить, что в период с 2011-2022 гг. происходил постепенный сдвиг направленности евроскептицизма с «жесткого» в сторону «мягкого». Период 2011-2017 гг. был отмечен ярко выраженным стремлением Ле Пен провести референдум по выходу страны из состава ЕС, однако после президентских выборов во Франции в 2017 г., партия изменила свою стратегию и, соответственно, и риторику по этому значимому вопросу. Жесткий евроскептический дискурс привел к снижению электоральной поддержки партии, поскольку наводил страх на французское общество.

Кроме того, сдвиг характера евроскептицизма политической партии произошел на фоне анализа ошибок при проведении президентской кампании 2017 г., а также с учетом преобладающих настроений и запросов общества. В результате характер дискурса партии с 2018 г. и по настоящее время можно отнести скорее к «мягкому евроскептицизму», который отличается критикой отдельных аспектов политики ЕС. В целом, евроскептическая риторика Ле Пен содержит, прежде всего, резкую и открытую критику экономической, миграционной, социальной, энергетической политики, политики в области здравоохранения Евросоюза.

Таким образом, евроскептицизм постепенно укрепляет свои позиции на европейском политическом пространстве, усиливая свои позиции в ряде государств-членов Евросоюза. В целом евроскептики из непопулярного и чуждого явления для европейского политического пространства превращаются во влиятельную политическую силу, с мнением которой невозможно не считаться. При этом эти трансформации

происходят одновременно на общеевропейском и на национальном уровне. Показательным примером последних выступила французская политическая партия «Национальное объединение» во главе с Ле Пен, чья популярность в обществе существенно возросла, позволив ей играть определяющую роль на политической арене Франции. Кроме того, анализ евроскептического дискурса партии с учётом концепции Таггарта и Щербяка, подразделяющего феномен евроскептицизма на «мягкий» и «жесткий», позволил проследить изменения в направленности подобных настроений в сторону евроскептицизма «мягкого».

Библиографический список:

1. Вайнштейн Г. И. Евроскептицизм: новый фактор европейской политики // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 8. С. 40-48.
2. Медушевский Н. А. Евроскептицизм: почему единая политика памяти для ЕС не представляется возможной // Теории и проблемы политических исследований. 2019. № 4. С. 87-93.
3. Baralon M. À Fréjus, Marine Le Pen propose son "union des nations européennes" contre l'UE [Electronic resource] // Europe 1. Available at: <https://www.europe1.fr/politique/a-frejus-marine-le-pen-propose-son-union-des-nations-europeennes-contre-lue-3756905> (accessed date: 4.10.2022).
4. Barth Ch. The Maastricht Treaty and public debates about European integration: the emergence of a European public sphere? / Ch. Barth, P. Bijmans // Journal of Contemporary European Studies. 2018. № 2. Pp. 215-231.
5. De Wilde P. Denouncing European integration: Euroscepticism as polity contestation / P. De Wilde, H.-J. Trenz // European Journal of Social Theory. 2012. № 4. Pp. 537-554.
6. 'Frexit is ON!' Marine Le Pen hammers EU and Nato in explosive interview [Electronic resource] // Daily Express. Available at: <https://www.express.co.uk/news/world/747209/Marine-Le-Pen-EU-Brexit-Nato> (accessed date: 3.10.2022).
7. Information Guide: Euroscepticism [Electronic resource] // European Sources Online. Cardiff University. Available at: <https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/77359/1/Euroscepticism.pdf> (accessed date: 29.09.2022).

8. Johannès F. Marine Le Pen lance une campagne contre le «pacte européen sur la migration» [Electronic resource] // Le Monde. Available at: https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/10/09/marine-le-pen-lance-une-campagne-contre-le-pacte-europeen-sur-la-migration_6055476_823448.html (accessed date: 3.10.2022).
9. La sortie de l'euro de Marine Le Pen en questions [Electronic resource] // RT France. Available at: <https://francais.rt.com/economie/37754-sortie-euro-marine-pen-questions> (accessed date: 3.10.2022).
10. Le regard des français sur les principaux partis politiques [Electronic resource] // IFOP. Available at: <https://www.ifop.com/publication/balise-dopinion-196-le-regard-des-francais-sur-les-principaux-partis-politiques/> (accessed date: 28.10.2022).
11. Marine Le Pen: “L’Union européenne a vécu, vive l’Europe des nations !” [Electronic resource] // Valeurs actuelles. Available at: <https://www.valeursactuelles.com/politique/marine-le-pen-lunion-europeenne-a-vecu-vive-leurope-des-nations> (accessed date: 4.10.2022).
12. Parlement européen: le groupe “identité et démocratie” comptera 73 élus [Electronic resource] // Valeurs actuelles. Available at: <https://www.valeursactuelles.com/politique/parlement-europeen-le-groupe-identite-et-democratie-comptera-73-elus> (accessed date: 21.10.2022).
13. Résultats de l’élection présidentielle 2017 [Electronic resource] // Ministère de l’Intérieur et des Outre-mer. Available at: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult_presidentielle-2017/\(path\)/presidentielle-2017/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult_presidentielle-2017/(path)/presidentielle-2017/FE.html) (accessed date: 20.10.2022).
14. Résultats des élections européennes 2014 [Electronic resource] // Parlement européen. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/elections2014-results/fr/country-results-fr-2014.html> (accessed date: 21.10.2022).
15. Résultats des élections européennes 2019 [Electronic resource] // Parlement européen. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/fr/resultats-des-elections/2019-2024/> (accessed date: 21.10.2022).
16. Taggart P. A Touchstone of Dissent: Euroscepticism in Contemporary Western European Party Systems // European Journal of Political Research. 1998. № 3. Pp. 363-388.
17. Taggart P. Parties, Positions and Europe: Euroscepticism in the EU Candidate States of Central and Eastern Europe / P. Taggart, A. Szczerbiak. Brighton: Sussex European Institute, 2001. 39 p.

Machina A. A., Valiullina A. R. **Euroscepticism in the discourse of the right-wing populist party «National Rally»**

The article is devoted to Euroscepticism as one of the most important trends in the public and political life of European states. In this regard, the research interest of the scientific community in the phenomenon of Euroscepticism is gradually growing. The theoretical part of the article is based on various interpretations of the political phenomenon and on the division of Euroscepticism into «soft» and «hard» in accordance with the concept of P. Taggart and A. Szczerbiak. Having at its core a negative attitude both to individual integration projects of the European Union and to integration within the organization as a whole, the role of Euroscepticism can become decisive for the further development of political union in the European political space. Right-wing and far-right political parties appeal to Eurosceptic sentiments, finding support among various social groups. Euroscepticism is an integral part of the all-European discourse. The article conducts an analysis of the French far-right political party «National Rally» as an example of the Euroscepticism's reflection in the rhetoric of the party. The author of the article examines the content of the discourse and analyzes its direction and the degree of expression of Eurosceptic views, correlating them with the division typology of Euroscepticism into «soft» and «hard».

Keywords: euroscepticism, european integration, European Union, political discourse, «National Rally».

УДК 323

Е. Н. Трусова

Эволюция протестных настроений в Германии в фокусе миграционного кризиса 2015–2022 гг.

Аннотация:

Современную Германию, долгое время испытывающую негативные последствия от миграционного кризиса, охватили общественные брожения. Как следствие, находившиеся в тени альтернативные движения и партии начинают приобретать популярность. Уже сегодня на смену традиционным немецким партиям приходят AfD – Alternative für Deutschland («Альтернатива для Германии») и движение PEGIDA – Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes (Патриотические европейцы против исламизации Запада). Данные изменения делают выбранную нами тему чрезвычайно актуальной.

Ключевые слова: социальный протест, миграционный кризис, AfD, PEGIDA.

Об авторе: Трусова Екатерина Николаевна, МГУ им. М. В. Ломоносова, магистрант 2 курса факультета Мировой политики; эл. почта: trusovakatia@yandex.ru

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, доктор философских наук, профессор факультета Мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Шквал общественных недовольств гражданского населения Германии, спровоцированный кризисными событиями 2015-2022 гг., послужил толчком к обращению общества к ранее непопулярным партиям страны. И хотя во главе Германии находится представитель консервативных сил, общественное несогласие с большим числом политических решений набирает обороты. Цель нашей работы – комплексное исследование протестных настроений немецкого общества; выявление их основных драйверов. Теоретико-методологическая база работы выстраивалась на трудах таких ученых, как Х. Аренд, Т. Р. Гарт, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Адлер, Д. В. Ольшанский. Рассматривались некоторые подходы к изучению социального протеста, в том числе:

концепция коллективного поведения; теория мобилизации ресурсов; конфликтологический подход; концепция относительной депривации. Для выявления актуальной картины протестной активности в Германии проведен широкий анализ немецких и российских СМИ.

Считается, что любая социально-нестабильная политическая обстановка сопровождается в обществе недовольством людей в той или иной сфере общественной жизни. Такая неудовлетворенность часто именуется социальной напряженностью. Несмотря на то что в подавляющем большинстве люди мирятся с подобного рода ситуациями, некоторая часть общественности идет по другому пути, выбирая методы и способы социального протеста. В этом ключе К. Лоренц утверждал, что каждый индивид реагирует на всякого рода внешние раздражители, проявляет самозащиту от врагов. Подобные особенности человека связаны с его биологией и играют серьезную роль в его повседневном поведении. Агрессия помогает живым существам не только защищать себя, но и своих детенышей, членов своей популяции [12, с. 130]. Похожие воззрения высказывал Э. Фромм, считавший, что несмотря на отрицательную коннотацию термина «агрессия», именно она служит неким базисом для сохранения своей жизни и защиты себе подобных [20, с. 736].

В этом контексте многие специалисты считают, что именно природная агрессивность, которая вызывается ущемлением каких-либо прав и свобод, становится главной причиной всевозможных революций и восстаний. Так, П. Сорокин предположил, что чаще всего социальные протесты возникают в связи с ущемлением людей в базовых потребностях: еде, самосохранении, жилище и т. д. [19]. Х. Аренд упоминала бедность в качестве основной движущей силы для возникновения протестов [2, с. 64]. Т. Гарр также говорил о биологических причинах протеста [5, с. 461]. Однако необходимо подчеркнуть, что биология человека не всегда выступает единственной причиной общественных брожений. Более того, свобода выбора становится драйвером деструктивных настроений. А. Адлер в своих научных трудах отмечал, что само несогласие с общепринятыми нормами может стать поводом к протестной активности [1, с. 243].

Кроме того, важно заметить, что порой насилие может проявляться в войне и актах терроризма. Так, Д. В. Ольшанский признавал, что каждый террористический акт может быть назван произведением «искусства» насилия [16, с. 288]. Ведь большинство терактов в истории имели под собой идеи равенства, прогресса, братства. Поэтому их исполнители

были сами для себя некими борцами за идеи, освободителями. Исследуя тему социального протеста, обозначим три подхода к теме возникновения тенденций:

- концепция коллективного поведения повествует о том, что поведение людей порой достаточно стихийно и не поддается объяснениям при столкновении с какими-то сложными ситуациями;
- природа социальных протестов может быть объяснена с помощью теории мобилизации ресурсов, смысл которой в том, что протесты присущи каждому обществу, а отличаются лишь установки, на которые направлены эти изменения;
- авторы теории относительной депривации уверены, что в обществе присутствует порядок до тех пор, пока существует удовлетворение его потребностей [7, 13, 18].

Переходя непосредственно к протестным движениям в Германии, нужно заметить, что поводом для них послужили кризисные явления, охватившие страну. Поскольку последствия социально-политических проблем «ударил» по большей части населения, люди не смогли «закрыть глаза» на несправедливое, по их мнению, к ним отношение и вышли на улицы.

Европейский миграционный кризис 2015 г.

Первым таким переломным моментом стал Европейский миграционный кризис, начало которому было положено в 2015 г. Сотни тысяч беженцев устремились к границам Германии, а затем и переступили их. Люди бежали из стран Африки и Ближнего Востока. Причинами такого мощного потока переселенцев явились «Арабская весна» (политическая напряженность в некоторых странах арабского мира в 2010–2011 гг.), и последовавшая за ней внутривосточная дестабилизация в странах Северной Африки, Ближнего Востока и на Аравийском полуострове. Немаловажную роль в формировании миграции сыграли войны в Сирии и Ливии, наряду с активной деятельностью запрещенных в Российской Федерации террористических организаций.

Такое мощное переселение людей спровоцировало негодование коренных жителей, социальные права которых стали сильно ущемляться. В то время как беженцы получали пособия, льготные проезды в маршрутках, рабочие места, немцы страдали от сокращения финансирования государства по ряду важных программ, направленных на обеспечение малоимущих слоев населения. Кроме того, местное население нередко страдало от разбоев, производимых приезжими.

Углубляясь в историю явления, важно заметить, что его развитие происходило довольно быстрыми темпами. Анализ периодов миграционного кризиса дает неутешительные результаты. Так, в 2000-2010-х гг. поток приезжих в Европу составлял 20-25 тыс. человек в год. Уже в 2014 г. ЕС посетили 900 тыс. человек (по данным МОМ), а в 2015 г. – 1,048 (или 1,8 согласно результатам Агентства ЕС по контролю границ Frontex) млн человек. Рост мигрантов незначительно замедляется в 2016 г. и сокращается до 390 тыс. Однако в 2017 г. страны Европы посетили 186 768 беженцев, а с начала 2018 г. это число падает до отметки в 56 309 человек [14]. Данные Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев демонстрируют, что при помощи морского транспорта в 2015 г. на территорию ЕС прибыло около 365 тыс. беженцев [4].

Имели место потоки беженцев и из европейских стран, таких как Югославия, Албания и Косово. Поводом для их миграции послужили экономические цели. Поэтому для своего пребывания они выбирали развитые Швецию, Германию и Австрию. Безусловно, большое число нелегалов, прибывающих в страну, влечет за собой негативные отклики и последствия. Однако правительства стран ЕС все же находят в этих потоках плюсы – возможность наполнения рынка высококвалифицированной рабочей силой. Серьезный положительный эффект от привлечения труда мигрантов был замечен в ФРГ, где ВВП увеличилось на 0,43% в 2016 г., на 0,56% в 2017 г. и на 0,72% в 2020 г. [4]. Тем не менее, следует уделить внимание вопросу адаптации приезжих в общество других стран, в частности, в немецкий социум. Подавляющее большинство мигрантов были выходцами из мусульманских государств, что наложило свой отпечаток.

Так, около 1 млн мигрантов знали немецкий язык лишь на базовом уровне, еще 2 млн не могут сказать, что свободно говорят на языке [9]. Нужно, однако, отметить, что правительство Германии старалось решать проблему посредством организации всевозможных курсов по изучению языка. Тем не менее, социальную интеграцию сдерживали еще и такие критерии как низкий уровень образования некоторых мигрантов, и, в целом, культурные барьеры. Обострилась ситуация, связанная с безопасностью в стране. В то время на территории ФРГ были известны уже несколько группировок террористического толка, членами которых в основном были исламисты. Однако Германия мало что могла с этим сделать, поскольку боялась повторения своего прошлого и отрицала какие-либо тенденции формирования политики полицейского государства. Поэтому безнаказанными остались выходцы из Северной Африки, которые осуществили

ряд сексуальных домогательств в новогоднюю ночь 2015/2016 г. в Кельне и других городах ФРГ.

Волна разбоев прокатилась и по другим землям Германии. 19 декабря 2016 г. произошел рождественский теракт в Берлине, который унес жизни 12 человек. Это событие изменило жизни многих немцев и их близких. Некоторые из них так и не смогли оправиться после ситуации. Об этом страшном вечере вспоминает житель города Нойсс С. Клостерс, который приехал в этот день со своей мамой в столицу Германии. Картинки этого дня не выходят у него из головы до сих пор. Он помнит, как гулял по площади Берлина, ощущая новогоднее настроение, однако этой идиллии суждено было закончиться. Клостерс потерял в теракте свою мать. По словам пострадавшего, «плата за гостеприимство оказалась слишком кровавой». В страну вместе с беженцами мигрировало много людей с криминальным прошлым, которые устраивают разбои в стране [21].

В свою очередь, заводчик собак Петер из Мюнхена придерживается мнения, что для многих мигрантов Германия и Евросоюз в целом стали местом, помогающим наживаться на коренных жителях. Так, немец считает, что большинство арабов и африканцев можно назвать, скорее, «экономическими мигрантами», нежели людьми, спасающимися от войн [21]. Кроме того, такие колоссальные потоки беженцев формируют повод для разделения общества, выстраиванию дискриминации и появлению новых этнических кварталов в стране. Не исключено в дальнейшем увеличения противоречий между коренными немцами и приезжими, а также возможна смена политического направления Германии в связи с возрастающим в геометрической прогрессии числом мусульман. Так, в результате недовольства общества миграционной политикой, в Германии с 2017 г. формируются тенденции к радикализации. Поэтому ультраправые из Альтернативы для Германии и националистические партии получают одобрение на парламентских выборах.

В угоду новым веяниям, в 2015 г. возникает движение PEGIDA – Patriotiche Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes (Патриотические европейцы против исламизации Запада) [23]. Важно, что подобное движение впервые стало популярным в Германии после прошедших митингов в Дрездене. Тогда организация собрала на площади толпу в 20 тыс. человек. Новой отправной точкой для его возрождения стал европейский миграционный кризис. PEGIDA таким образом, собрала под своим крылом всех тех, кто боялся исламизации страны в связи с нахлынувшим потоком людей из арабских государств.

Партия «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland, AfD) не стала новой для немцев. Однако ее активность резко возросла в связи с нестабильной политической ситуацией [23]. AfD была создана в 2013 г. Поводом для создания партии послужила программа об отказе от евро и изменении внешней политики ФРГ. Уже в 2017 г. на общенациональных выборах в Германии партия набирает 12,6% голосов избирателей. Далее популярность партии только возрастает. Особенно большую поддержку AfD оказывает население Восточной Германии. Эти движения и партии, а также их члены, поднимали самые злободневные темы. Они говорили о миграционном кризисе, в формате того, что хочет обычный немец. Поэтому их популярность так росла. Известно, например, выступление представителя AfD А. Вольфа, который заявил о том, что Германия не является социальным ведомством, направленным на спасение мигрантов во всем мире [22].

Продолжая исследование реакции общества на последствия миграционного кризиса и политики правительства, важно заметить, что со временем ситуация только накалялась. Так, по данным СМИ, практически ни одного дня не прошло без нападения немцев на лагеря беженцев. Только в 2015 г. было известно о 150 подобных происшествий [10]. Разумеется, эти действия нанесли урон репутации ФРГ, которую страна восстанавливала с нацистских времен. Кроме того, опросы показывают, что в январе 2015 г. и феврале 2016 г. 94% опрошенных проголосовали за предоставление укрытия людям, которые мигрируют, спасаясь от войн. 73% респондентов готовы принять мигрантов, бегущих по политическим или религиозным убеждениям (в сравнении с 82% в опросах, проведенных годом ранее). Мигрантов, которые уехали по экономическим причинам, примут всего 25% немцев, в сравнении с 41% ранее [9].

Между тем, около половины прибывших в Германию мигрантов в конце концов остаются на территории страны. В этой связи число людей, которые хотят получить убежище, растет колоссальными темпами. Так, если в 2014 г. в органы ФРГ было подано 170 тыс. заявок, то уже в 2015 г. цифра увеличилась до 800 тыс. [3]. Уже в 2018 г. на саммите ЕС было выявлено, что абсолютно все страны союза не хотят больше придерживаться «политики открытых дверей». В этом странам частично помог начавшийся в 2019 г. коронавирус. Из-за ограничений, введенных правительствами стран, поток беженцев удалось немного стабилизировать. Итак, в 2015 г. миграционный кризис стал неожиданностью для правительства Германии, выявив ряд проблем работы ЕС. Союз не смог среагировать на новые, столь интенсивные миграционные процессы в рамках

ограниченного времени, и обстановка вышла из-под контроля. В дальнейшем как Германии, так и другим странам ЕС придется потратить множество усилий на восстановление политической ситуации.

Новая волна мигрантов в 2020–2022 гг.

Пандемия новой коронавирусной инфекции значительно затормозила программы интеграции мигрантов в немецкое общество. Это не может не вызывать опасений у населения, поскольку большое число беженцев осталось без контроля миграционных органов. Несмотря на то что миграция, безусловно, сократилась, она все же не прекратилась. Так, Федеральное статистическое управление подсчитало, что за 2019 г. чистая иммиграция из других стран на территорию Германии составила 53 685 представителей мужского пола и 60 740 женщин. К примеру, 275 мужчин и 195 женщин мигрировало из Бельгии. Из Болгарии Германию посетили 10 545 и 10 200 мужчин и женщин соответственно. 10 765 мужчин, а также 18 115 женщин прибыли в страну из стран бывшего СССР (ныне стран-членов ЕС) [11].

Далее, Федеральное статистическое управление приводит данные, свидетельствующие о том, что за шесть месяцев 2020 г. в ФРГ мигрировали примерно 529 тыс. человек. Стоит отметить, что данный показатель на 29% меньше, чем в январе-июне 2019 г. (748 тыс. беженцев). И, хотя с января по февраль 2020 г. число мигрантов, посетивших и покинувших страну, не слишком отличалось от того же периода 2019 г., с марта по июнь в Германию мигрировали 208 тысяч человек, что на 42% ниже показателей аналогичного периода в 2019 г. Эксперты утверждают, что такие тенденции связаны с распространением новой коронавирусной инфекцией и введенными в связи с пандемией ограничениями, позволяющими более детально следить за передвижением граждан [11].

Однако весной 2021 г. для Европы началось новое испытание, спровоцированное миграционным кризисом на границе с Белоруссией. Предысторией послужили напряженные отношения президента Белоруссии А. Лукашенко с ЕС. Из-за отсутствия прочных двусторонних договоренностей, а также невыполнения ряда договоров, правительство Белоруссии решило перестать исполнять свои обязательства по контролю беженцев. Потоки нелегальных мигрантов из Сирии и Ирака, а также Афганистана и Африки хлынули на территорию стран-членов ЕС (в Польшу, Литву и Латвию). В связи с близостью границ и общими союзными договоренностями от наплыва беженцев пострадала и Германия, население которой вновь окунулось в события 2015 г. В этой ситуации реакция правительства была однозначной. ЕС решает ужесточить санкции

против Минска по причине массового притока мигрантов на белорусско-польской границе [6].

В феврале 2022 г. спецоперация России на территории Украины приводит к еще одному колоссальному притоку беженцев в страны ЕС, в том числе в Германию. По данным Федерального статистического управления в первой половине 2022 г. количество населения Германии впервые превысило отметку в 84 млн человек. В страну мигрировало около 1 млн человек, из которых примерно 750 тыс. были выходцами из Украины [8]. Общественная реакция на подобные тенденции не заставила себя долго ждать. Так, читатели немецкой газеты «Die Welt» раскритиковали сложившуюся ситуацию, заметив, что «такие потоки мигрантов ведут только к разорению государственной казны и налогоплательщиков Германии [8]. Peter P. в комментариях с сожалением замечает: «Когда страна превратится в руины, караван пойдет дальше». В свою очередь Cookie Dent отмечает, что живут все мигранты на пособия по безработице, за которые платит каждый немец посредством налогов.

Более того, разновидностью общественной реакции на потоки мигрантов стала набирающая обороты ксенофобия. Жители европейских стран все чаще проявляли агрессию по отношению к мигрантам. Этому способствовал рост радикального исламизма и распространение религиозных преступлений. Так, например, в Великобритании к 2019 г. количество преступлений, которые совершались в связи с расовой ненавистью, увеличилось на десять процентов [17]. Уже 11 октября 2022 г. на улицах немецкого Лейпцига состоялся митинг, главной темой которого стали украинские беженцы. Как сообщает издание «Der Spiegel» немцы требовали от украинцев и граждан, которые выражают солидарность Украине, покинуть территорию ФРГ. Из толпы звучали лозунги: «Вы, свиньи, проваливайте! Вы живете за наш счет! Пошли вон, нацисты!». Более того, протестующие призывали к отмене санкций в отношении РФ, возобновлению поставок энергоресурсов из России для борьбы с ростом цен. Число людей, принявших участие в митинге, превысило две тысячи человек. Аналогичные акции прошли в понедельник почти во всех восточных землях Германии. В Мекленбурге-Передняя Померания на улицы вышло около семи тыс. немцев, в то время как в Саксонии-Анхальт демонстрантов насчитывалось порядка одной тысячи человек [15].

По сообщениям телеканала MRD в ночь на 11 октября неизвестный мужчина хотел совершить нападение на приют, в котором проживало 147 украинских беженцев. Здание размещалось в городе Апольда (Тюрингия). По словам полиции, мужчина проник на

пустырь, который находился вблизи лагеря и поджег деревянные поддоны [15]. Предшествующая этому дню суббота ознаменовалась масштабным антиправительственным митингом в столичном Берлине. Организатором мероприятия стала немецкая оппозиционная партия AfD. ARD сообщает, что в акции были задействованы порядка четырех тысяч человек. Митингующие призывали к снижению санкционного давления на РФ, а также к возвращению к дешевым энергоресурсам России [21]. Незадолго до этого оппозиционные партии, в том числе «Левая партия» и AfD заявили о старте протестной кампании в Германии для привлечения внимания правительства к последствиям энергокризиса, конфликта на территории Украины, а также инфляции. В конце августа Т. Крупалла, сопредседатель AfD, отметил, что его партия уведомляет о том, что будет проводить митинги каждый понедельник в различных городах Германии [15].

Миграционный кризис все еще остается важной и актуальной проблемой для Германии. Страна старается справляться с наплывом мигрантов. Однако ее успехи в этом деле часто переменчивы. Сделаем вывод, что протестные настроения начинаются тогда, когда затрагиваются интересы граждан, ущемляются их права и свободы. Для Германии таким переломным моментом послужил миграционный кризис, начавшийся в 2015 г. и продолжающийся по сей день. Как реакция на политические проблемы на первый план выходят альтернативные партии. Более дерзкие и злободневные, способные говорить о том, что беспокоит население и действовать в их интересах, они привлекают внимание населения и набирают популярность. Кризисные события оголили проблемы и повлекли за собой внутривнутриполитический дисбаланс. Что будет дальше, какие политические силы победят, и как страна сможет выйти из кризиса – покажет время. А нам пока остается лишь наблюдать за быстроменяющимися событиями в мире!

Библиографический список:

1. Адлер А. Наука о характерах. Понять природу человека. М.: Академ. проект, 2018. 243 с.
2. Арндт Х. О революции. М.: Европа, 2011. 64 с.
3. Беженцы в Германии: Мифы и реальность [Электронный ресурс] // Livejournal. Режим доступа: <https://bezhenecssr.livejournal.com/61536.html> (дата обращения: 05.02.2020).

4. В ООН подсчитали общее количество беженцев, прибывших в Европу морем за 2015 год [Электронный ресурс] // PolitRussia. Режим доступа: <https://politrussia.com/news/v-oon-podschitali-572/> (дата обращения: 04.02.2020).
5. Гарт Т. Почему люди бунтуют. СПб: Питер, 2005. 461 с.
6. Германия выступила за ужесточение санкций против Минска из-за мигрантов [Электронный ресурс] // РБК. Режим доступа: [Германия выступила за ужесточение санкций против Минска из-за мигрантов — РБК \(rbc.ru\)](https://rbc.ru/news/europe/23/10/2022) (дата обращения: 23.10.2022).
7. Дементьева И. Н. Модели и факторы формирования социального протеста в зарубежных и отечественных концепциях [Электронный ресурс] // Проблемы развития территории. 2013. №6 (68). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-i-factory-formirovaniya-sotsialnogo-protesta-v-zarubezhnyh-i-otechestvennyh-kontseptsiyah> (дата обращения: 08.10.2022).
8. «И все на пособии»: в Германии ужаснулись от количества беженцев с Украины [Электронный ресурс] // РИА новости. Режим доступа: ["И все на пособии": в Германии ужаснулись от количества беженцев с Украины - РИА Новости, 27.09.2022 \(ria.ru\)](https://ria.ru/news/europe/27/09/2022) (дата обращения: 23.10.2022).
9. Квашнин Ю. Миграции в современном мире. Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общие вызовы / Ю. Квашнин, А. Кузнецов, О. Трофимова, А. Четверикова // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 1. С. 97-107.
10. Киришбаум Э. Германия пытается обуздать вал поджогов лагерей [Электронный ресурс] // Reuters. Режим доступа: http://ru.reuters.com/article/topNews/idбеженцев_RUKCN0PV1VB20150721 (дата обращения: 05.02.2020).
11. Кому в Германии жить хорошо: в 2020 году иммиграционный поток в Германию прекратил рост [Электронный ресурс] // Экономическая газета. Режим доступа: [Кому в Германии жить хорошо: — в 2020 году иммиграционный поток в Германию прекратил рост \(neg.by\)](https://neg.by/news/2022/10/23/komu-v-germanii-zhit-horosho-v-2020-godu-immigratsionnyy-potok-v-germaniyu-prekratil-rost) (дата обращения: 23.10.2022).
12. Лоренц К. Агрессия. М.: Прогресс, 1994. 130 с.
13. Меркулов П. А. Методологические подходы к анализу протестной деятельности молодежи [Электронный ресурс] / П. А. Меркулов, Н. В. Проказина // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-k-analizu-protestnoy-deyatelnosti-molodezhi> (дата обращения: 26.05.2022).
14. Миграционный кризис в Европе. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/info/5336277> (дата обращения: 10.04.2021).

15. «Нацисты, проваливайте!»: усталость немцев от беженцев с Украины переходит в агрессию [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. Режим доступа: [«Нацисты, проваливайте!»: усталость немцев от беженцев с Украины переходит в агрессию — EADaily — Новости Германии. Беженцы новости. Германия новости. Германия. Беженцы. Новости. Новости сегодня. Новости дня. Беженцы из Украины. Беженцы с Украины.](#) (дата обращения: 23.10.2022).

16. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб: Питер, 2003. 288 с.

17. Свой – чужой. Европа приняла миллионы беженцев. Почему теперь их ненавидят, считают террористами и хотят выгнать? [Электронный ресурс] // LENTA.RU. Режим доступа: [Свой — чужой. Европа приняла миллионы беженцев. Почему теперь их ненавидят, считают террористами и хотят выгнать?: Общество: Мир: Lenta.ru](#) (дата обращения: 23.10.2022).

18. Соломатина Е. Н. Социальные протесты в современном мире: социологический анализ [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. №1 (33). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-protesty-v-sovremennom-mire-sotsiologicheskiiy-analiz> (дата обращения: 26.05.2022).

19. Сорокин П. А. Социология революции. М.: Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 701 с.

20. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2017. 736 с.

21. «Эти люди чужды и опасны». Германия приняла миллионы мигрантов и беженцев. Как они меняют страну и немцев? [Электронный ресурс] // LENTA. RU. Режим доступа: [«Эти люди чужды и опасны». Германия приняла миллионы мигрантов и беженцев. Как они меняют страну и немцев?: Политика: Мир: Lenta.ru](#) (дата обращения: 23.10.2022).

22. Alexander Wolf: «Klimafluchtlinge» sollen Asyl in Deutschland erhalten!?! [Electronic resource] // AfD. Available at: <https://www.afd.de/alexander-wolf-klimafluechtlinge-sollen-asyl-in-deutschland-erhalten/> (accessed date: 27.04.2022).

23. Puschmann C. Converging on a nativist core? Comparing issues on the Facebook pages of the Pegida movement and the Alternative for Germany / C. Puschmann, J. Ausserhofer, J. Šlerka // European Journal of Communication. Vol. 35. № 3. Pp. 230-248.

Trusova E. N. The evolution of protest sentiments in Germany in the focus of the migration crisis of 2015-2022

Modern Germany, which has been experiencing negative consequences from the migration crisis for a long time, has been gripped by social unrest. As a result, alternative movements and parties that were in the shadows are beginning to gain popularity. Already today, the traditional German parties are being replaced by AfD – Alternative für Deutschland («Alternative for Germany») and the PEGIDA – Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes (Patriotic Europeans against the Islamization of the West). These changes make the topic we have chosen extremely relevant.

Keywords: social protest, migration crisis, AfD, PEGIDA.

УДК 167.2

Е. П. Резвая

Методы научного исследования системы подготовки кадров в сфере искусственного интеллекта

Аннотация:

Подготовка кадров в сфере искусственного интеллекта – это сложный процесс, который требует системного научного подхода. Для качественного проведения такого мультидисциплинарного исследования необходимо заранее подобрать методы, которые будут использоваться. В статье представлено описание подобранных методов, а также их преимущества и недостатки, связанные с темой приведенного исследования.

Ключевые слова: научное исследование, общенаучные методы исследования, частнонаучные методы исследования, специализированные методы исследования, подготовка кадров в сфере искусственного интеллекта.

Об авторе: Резвая Екатерина Петровна, аспирант кафедры системного анализа и управления, Государственный университет «Дубна», ассистент кафедры системного анализа и управления; эл. почта: rezvaya2016@gmail.com

Научный руководитель: Черемисина Евгения Наумовна, Государственный университет «Дубна», доктор технических наук, профессор кафедры системного анализа и управления; эл. почта; chere@uni-dubna.ru

Введение

С философской точки зрения, наука предстает специфической деятельностью человека, направленной на получение и систематизацию объективных знаний о мире. Такая деятельность имеет целенаправленное движение от приблизительного к полному и точному знанию, через изучение действительности. Как только в процессе получения знания появляется некоторая поставленная задача, можно говорить о таком явлении как научное исследование. Необходимый элемент научного исследования – это цель [7].

Научное исследование напрямую связано с научной проблемой. Кроме проблем, касающихся предмета исследования, различают проблемы, касающиеся инструментов исследования, то есть методологии самого познавательного процесса [1]. Так, одна и та же цель может быть достигнута разными способами, которые называют методами научного исследования. Поэтому предварительное определение методов исследования является его неотделимой частью.

Подготовка кадров в сфере искусственного интеллекта

Искусственный интеллект (далее – ИИ) – одна из наиболее заметных технологических тенденций в мире. Это наукоемкая отрасль, которая требует высококвалифицированных кадров. К задачам специалистов по ИИ относят и анализ и обработку больших данных, и написание программного кода, и проектирование архитектуры на основе ИИ, и проведение исследований, и автоматизацию процессов. Потенциальные кадры в сфере ИИ знают технологии и платформы ИИ, умеют создавать такие сервисы и, главное, понимают, как внедрять разработанные сервисы в прикладные задачи в конкретных предметных областях.

Из-за повышенной востребованности специалистов по ИИ уже реализовано несчетное количество образовательных курсов. Частные школы предлагают образовательные программы для школьников, начиная с 7 класса. Онлайн-платформы предоставляют курсы, которые готовят узких специалистов в сфере ИИ, разработаны бакалаврские и магистерские профили в ВУЗах. Однако, несмотря на разнообразие образовательных программ, по данным рекрутингового сервиса HeadHunter, на одну вакансию в области ИИ претендует не более двух специалистов, что говорит о явном недостатке кадров в этой области. Подготовка кадров в сфере ИИ – это сложный процесс, который требует системного научного исследования. Первый его этап – подбор методов [10]. Речь о них пойдет в следующих разделах.

Общенаучные методы исследования

Общенаучные методы исследования используются независимо от сферы исследования и могут быть применены в любой научной области. Они сформировались исторически в ходе познавательной деятельности человечества, и совершенствуется и в наши дни. Однако, есть особенности, ограничения и риски, связанные с конкретными исследованиями. Именно таким особенностям, ограничениям и рискам, возникающим с их применением в исследовании системы подготовки кадров в сфере ИИ и будет посвящен данный раздел.

Стоит начать с метода системного анализа. Суть метода отражена в названии: анализ не зря назван системным, такой метод позволит рассмотреть объект исследования как систему, даст возможность разложить целое на составные части, установить связи между структурными элементами. Таким образом, поставленная задача может быть верхнеуровнево детализирована.

Метод системного анализа позволит определить, из каких процессов и подсистем состоит подготовка кадров в сфере ИИ, поможет сфокусироваться на главном, но не даст отойти от общей картины, а сохранит связи между подсистемами, что позволит обеспечить системность проводимого исследования.

Следующие два метода в литературе обычно рассматриваются парно – это индукция и дедукция [8]. Похожие и одновременно противоположные по смыслу, они отражают направление исследования и определяют траекторию мыслей. Первый метод позволяет исследователям перейти от частного к общему, второй же подразумевает движение в обратном порядке, от общего к частному.

Рассмотрим сначала преимущества индукции. Подготовка кадров в любой сфере подразумевает наличие некоторого образовательного продукта: это и методические и дидактические материалы, и образовательные программы, и образовательное программное обеспечение, и алгоритмы сбора и обработки цифрового следа обучающихся. Так вот индукция позволит выявить особенности образовательных продуктов в соответствии со спецификой направления. Даст ответы на вопросы, а чем образовательный продукт для подготовки кадров в сфере ИИ должен отличаться от любого другого образовательного продукта? Однако, исследователю не стоит забывать о том, что есть риск увязнуть в деталях и потерять связи между структурными элементами. Это явление стоит отметить, как недостаток индукции.

Дедукция же, в свою очередь, даст понять, а какие же общие черты должны быть у образовательных продуктов на каждом уровне подготовки кадров в сфере ИИ. То есть что общего есть, скажем, у образовательного продукта для школьников и у образовательного продукта для специалистов, проходящих профессиональную переподготовку. В таком случае есть риск излишнего обобщения, что тоже стоит иметь в виду при проведении исследования.

Кроме рассмотрения объекта исследования, немаловажную роль играет и осведомленность исследователя о текущем состоянии предметной области. Важно знать и понимать, какие решения уже представлены в рамках подготовки квалифицированных

специалистов по ИИ. Необходимо понимать, какими недостатками и преимуществами обладают существующие образовательные продукты, что делает лидеров в этой сфере лидерами, а что в противном случае тянет на дно. Для таких целей как нельзя лучше подходит следующий общенаучный метод – наблюдение.

Основная его функция – это избирательный отбор сведений об объекте исследования. Отсюда вытекает и основной недостаток этого метода – субъективность оценки. Ошибка на этом этапе может сказаться на результатах исследования. Поэтому к данному методу можно и нужно итеративно возвращаться на разных этапах исследования с уже полученными промежуточными результатами. Целью наблюдения, в первую очередь, становится формулирование гипотез, их проверка или уточнение.

После того как получен набор основных гипотез, необходимо провести их тестирование. Однако, некоторые процессы могут быть трудно или дорого воспроизводимы. Поэтому для первичной проверки гипотез нерационально использовать полноценное воспроизведение условий. В таком случае, принято использовать такой метод исследования как моделирование. Он позволяет воссоздать объекты, процессы или явления путем построения модели, то есть упрощенного варианта, для определения или уточнения характеристик оригинала. Модели – это один из основных инструментов современной науки [5]. Модель может быть описана как математически – некоторой функцией, так и аналитически, так может быть построена и имитационная модель, иногда исследователи применяют концептуальное моделирование. Выбор вида модели зависит от проверки конкретных гипотез и определяется для каждого исследования в частном порядке.

Предварительное построение модели исследуемых процессов позволяет исследователю взглянуть на выдвинутые гипотезы в деле, оценить их и принять решение о дальнейшем тестировании, корректировке или вообще полном отказе от проверяемой гипотезы [9]. Однако, качество результата этого метода полностью зависит от точности модели, и именно это можно отнести к недостаткам. Не всегда имеется возможность построить достоверную и точную модель, особенно сложных процессов и объектов.

В рамках исследования процесса подготовки кадров можно говорить о построении концептуальных моделей на каждом уровне: школьном, СПО, высшем и на уровне профессиональной переподготовки. А также построении концептуальной модели всего процесса подготовки кадров в целом, который включает в себя как все вышеперечисленные уровни, так и только часть из них. Это позволит определить

минимальный перечень уровней подготовки на пути специалиста, и оценить необходимость прохождения сразу всех уровней подготовки одновременно.

После того, как гипотезы оценены на модели, их можно проверять в условиях более приближенных к реальности – в ходе научного эксперимента. Этот метод также неотъемлемая часть практически каждого научного исследования. Он позволяет провести качественную и количественную оценку промежуточных результатов и скорректировать при необходимости направление исследования. Однако, любой эксперимент проводится на некоторой тестовой выборке, и ее величина обратно пропорциональна статистической ошибке. Это скорее не недостаток, но риск, который должен иметь в виду каждый исследователь, который прибегает к использованию эксперимента как метода научного исследования.

Основным признаком эксперимента является наличие варьируемых исследователем переменных. Так можно изменять условия, в которых протекает эксперимент, изолировать его от влияния каких-то внешних факторов. Кроме того, эксперимент можно неоднократно воспроизводить в искусственно воссозданных условиях [3]. Так, в руках исследователя, благодаря эксперименту, появляется возможность выявлять факторы, наиболее влияющие на интересующее явление, а еще исследовать не только суть, но и свойства объекта.

Заключительным методом в этом разделе выступает анкетирование. Это вербально-коммуникативный метод, в котором в качестве средства для сбора сведений от респондентов используется анкета. Она, в свою очередь, представляет собой ряд специально оформленных вопросов, которые позволят исследователю получить новую информацию, опровергнуть или подтвердить существующие гипотезы. Как правило, анкетирование позволяет получить информацию, не всегда отраженную в документальных источниках информации или доступную наблюдателю. Часто его используют в тех случаях, когда источником информации может послужить только человек – объект исследования или носитель знаний о каком-либо процессе или явлении [2].

В процессе исследования системы подготовки кадров по ИИ анкетирование может быть применено дважды – в первую очередь респондентами могут выступить потенциальные работодатели. От них можно и нужно получить перечень необходимых навыков, умений и знаний соискателей. Что позволит в дальнейшем качественно определить модель компетенций, которая будет использована для подготовки кадров в

сфере ИИ. Второе использование метода анкетирования позволит получить оценку разрабатываемых прототипов образовательных продуктов от участников эксперимента.

Качество полученной через анкеты информации напрямую зависит от корректности составления анкеты. Поэтому каждый исследователь, использующий анкетирование как метод научного исследования, должен уделить особое и трепетное внимание составлению анкеты. Перечисленные методы могут быть использованы в любом исследовании, однако предметная область также диктует определенные методологические требования. В этой связи следует выделить еще одну категорию – частнонаучные методы научного исследования – такие методы можно назвать совокупностью способов и приемов познания, применяемых в конкретной науке [4].

Частнонаучные методы исследования

Одним из применимых к сфере подготовки специалистов по ИИ методов является кибернетический метод. С помощью кибернетики можно познать явления, происходящие с объектом исследования, определить, что является объектом управления, а что субъектом. Оценить, что оказывает управляющее воздействие и что является окружающей средой. Выявить, как реализован принцип обратной связи и в каких состояниях может находиться объект исследования. Одним словом, кибернетический метод позволяет оценить, как устроена «внутренняя кухня» исследуемого объекта, и как он взаимодействует с окружающей средой.

Так как подготовка кадров – это сложный динамический процесс, то применение кибернетического метода позволит оценить масштаб исследования, детализировать протекающие внутри процессы и явления, рассмотреть подготовку кадров в сфере ИИ не изолировано. Этот метод поможет определить внешние воздействия и факторы. Кроме того, кибернетическое представление системы подготовки кадров даст информацию о процессах, которые потенциально могут быть автоматизированы.

Еще один частнонаучный метод, который нельзя оставить без внимания – статистический. С помощью статистики исследователь получает возможность провести количественную оценку полученных в ходе исследования данных, которые отражают состояние, динамику и тенденции развития объекта исследования. Статистический метод позволяет определить области нормального и аномального поведения объекта и силы влияния на объект внешних и внутренних факторов [3].

Данные для статистического метода исследования, как правило, могут быть получены на этапе моделирования, эксперимента или анкетирования, а методы

интеллектуального анализа данных помогут провести анализ и оценку полученных результатов. В последствии анализа выдвигаемые гипотезы могут быть либо подтверждены, либо опровергнуты, кроме того, можно ожидать и выявления новых коррелирующих параметров, которые могут породить новые гипотезы для научного исследования.

К недостаткам статистического метода можно отнести такие явления как шумы и выбросы в наборе данных. А еще дополнительные ограничения накладывает и выбранный формат хранения данных. Исследования системы подготовки кадров порождает множество статистических данных. Это и обратная связь от обучающихся, и цифровой след, полученный в процессе обучения, и данные, полученные в процессе проведения эксперимента. При получении большого набора данных, можно рассматривать интеллектуальный анализ данных с применением моделей машинного обучения. Кроме частнонаучных методов исследования существуют еще специализированные.

Специализированные методы исследования

Такие методы используются только в одной сфере, их применение ограничивается узкой областью знания. Рассмотрим несколько методов, которые применимы исключительно в системном анализе. Предварительную оценку ожидаемых результатов исследования можно провести с помощью такого специализированного метода как SWOT-анализ. SWOT – это аббревиатура из первых букв четырех английских слов Strengths – сильные стороны, Weaknesses – слабые стороны, Opportunities – возможности, Threats – угрозы. Чтобы провести SWOT-анализ необходимо начать с анализа и оценки окружающей среды, анализ внешних факторов позволяет определить основные угрозы и отметить возможности. Последующий анализ внутренних факторов дает представление о сильных и слабых сторонах. А затем, вся полученная информация оформляется в SWOT-матрицу.

Полученная матрица позволяет проследить связь между внутренними и внешними факторами, то есть оценить, как влияют слабые и сильные стороны на потенциальные возможности и угрозы. Так вовремя можно поменять направление исследования. Сильные стороны в паре с возможностями позволяют наметить стратегии развития, а в паре с угрозами выявляют потенциальные преимущества. Рассматривая слабые стороны с возможностями, можно определить необходимые преобразования процесса исследования. А пара слабые стороны и угрозы дает представление об ограничениях развития. К

недостаткам метода можно отнести субъективность оценки и ошибки в данных, которыми оперирует исследователь.

Далее рассмотрим метод анализа иерархий. Этот метод, предложенный американским математиком Т. Саати, знаком каждому, кто хотя бы малость погружен в системный анализ. Заключается метод в декомпозиции проблемы на составляющие и дальнейшем поэтапном установлении приоритетов через попарные сравнения альтернатив. Метод позволяет структурировать сложную проблему принятия решения в виде иерархии, сравнить альтернативы и выбрать наиболее подходящую [6].

Метод анализа иерархий призван помочь лицу, принимающему решение, и находит широкое применение в стратегическом планировании, прогнозировании, и даже в задачах разрешения конфликтов. Любое научное исследование имеет целый ряд задач, связанных с принятием многокритериальных решений, что позволяет призвать метод анализа иерархий на помощь исследователю. Метод не предписывает исследователю каких-то «правильных», «идеальных» решений, а позволяет в процессе найти такой вариант, который наилучшим образом связывает научную гипотезу и ее возможное обоснование.

Рассматривая потенциальную пользу применения метода анализа иерархий в рамках исследования подготовки кадров по ИИ, стоит отметить, что существует множество подзадач, которые требуют принятия многокритериального решения. Как правильно выбрать формат обучения? Какую гипотезу тестировать в первую очередь? Большое количество задач составляет поле для применения метода анализа иерархий.

Однако иногда случается такое, что для оценки того или иного параметра не хватает информации. Нет никаких достоверных статистических данных, а собирать их нет возможности из-за дороговизны, сжатых сроков или ограниченности по другим параметрам. В таком случае, прибегают к следующему методу, а точнее даже группе методов. Это экспертные методы. Суть таких методов заключается в привлечение высококвалифицированных специалистов в области исследования – экспертов. Они на основе предоставленной информации, своих знаний и опыта, высказывают оценки, суждения или предложения. Затем полученные от экспертов данные обрабатываются и используются. Качество принимаемых решений в таком случае полностью зависит от компетентности привлеченных экспертов. Для предотвращения ошибок используют одновременно несколько экспертных методов.

Заключение

На этапе изучения существующих методов научного исследования, которые применимы в рамках работы над диссертацией на тему «Системный подход к подготовке кадров в сфере искусственного интеллекта» были выбраны такие методы как системный анализ, индукция и дедукция, наблюдение, моделирование, эксперимент, анкетирование, кибернетический и статистический методы, а также экспертные методы, SWOT-анализ и метод анализа иерархий. Перечисленные методы представлены на рисунке ниже.

Осуществляя классификацию избранных методов на обозначенные категории (общенаучные, частнонаучные и специализированные) мы добиваемся более осознанного понимания цели и назначения каждого из методов. Предварительное описание метода с точки зрения преимуществ и возможностей, которые он предоставляет, а также оценка рисков и ограничений, накладываемых выбранными методами, позволяют еще на ранних стадиях исследования условно определить и наметить путь через множество преград и трудностей, поджидающих каждого исследователя.

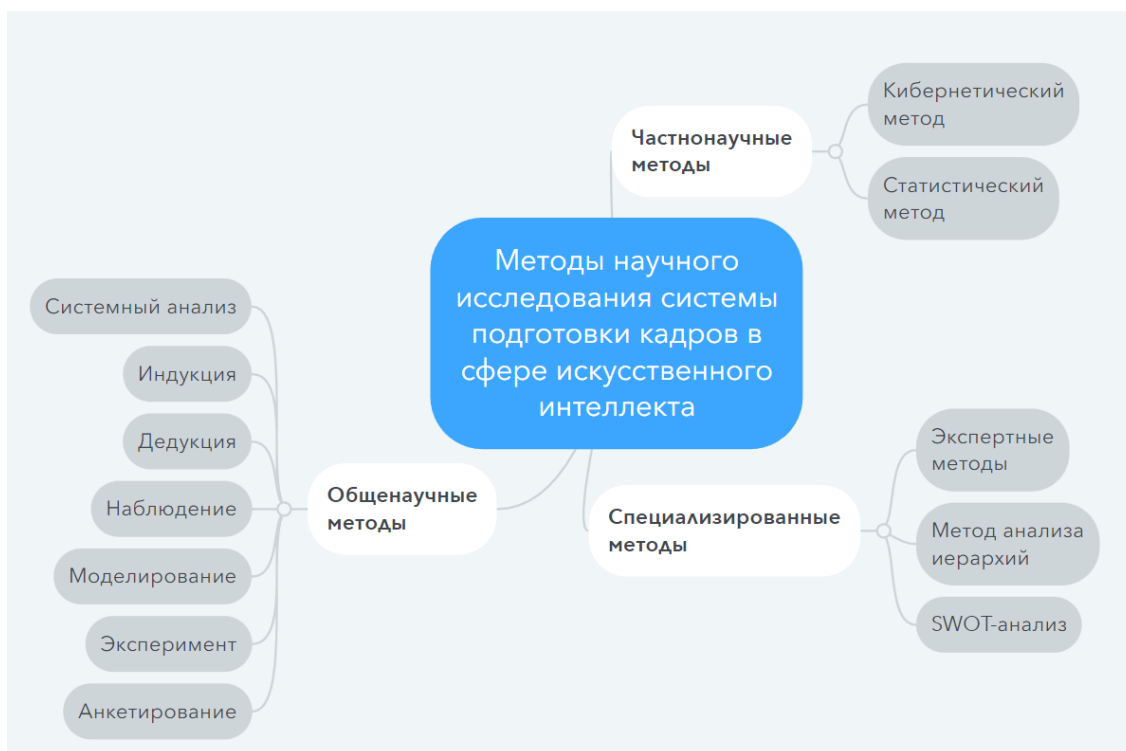

Рис. 1. Методы научного исследования системы подготовки кадров в сфере ИИ

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н. Г. История, философия и методология науки и техники: учебник для магистров / Н. Г. Багдасарьян, В. Г. Горохов, А. П. Назаретян; под общ. ред. Н. Г. Багдасарьян. М.: Издательство «Юрайт», 2015. 383 с.
2. Воронкова Ю. В. Анкетирование как метод педагогического исследования [Электронный ресурс] / Ю. В. Воронкова, А. Я. Кузнецова // Научный электронный архив академии естествознания. Режим доступа: <https://s.econf.rae.ru/pdf/2018/11/7319.pdf> (дата обращения: 30.11.2022).
3. Дрещинский В. А. Методология научных исследований : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2022. 274 с.
4. Кокаревич М. Н. Концептуальное моделирование как форма познания и понимания // Известия Томского политехнического университета. 2003. №4. С. 144-148.
5. Кузьменко Г. Н. Философия и методология науки : учебник для магистратуры / Г. Н. Кузьменко, Г. П. Отюцкий. М.: Издательство Юрайт, 2021. 450 с.
6. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М.: Радио и связь, 1993. 314 с.
7. Яскевич Я. С. Философия и методология науки : учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2022. 536 с.
8. Gauch H. Scientific method in practice. New York: Cambridge University Press, 2003. 435 p.
9. Hartmann S. Modeling in Philosophy of Science. Representation, Evidence, and Justification: Themes from Suppes // Lauener Library of Analytical Philosophy. 2008. Vol. 1. Pp. 95-121.
10. Hepburn B. Scientific Method [Electronic resource] / B. Hepburn, H. Andersen // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/scientific-method/> (accessed date: 30.11.2022).

Rezvaia E. P. Methods of scientific research of the training system in the field of artificial intelligence

Training in artificial intelligence is a complex process that requires systematic scientific research. In order to conduct such a multidisciplinary study in a qualitative manner, it is necessary to select in advance the methods to be used. The author describes the indicated methods, their advantages and disadvantages related to the subject area of the study.

Keywords: scientific research, general scientific research methods, private scientific research methods, specialized research methods, training in the field of artificial intelligence.

УДК 316

А. А. Макарова

Сетевые медиа как инструмент медиа-дипломатии

Аннотация:

В современном мире сетевые медиа приобретают особую популярность, заменяя традиционные СМИ. Появление блогов, интернет-сайтов и социальных сетей открыло новые возможности. В статье рассматривается понятие медиа-дипломатии, история становления сетевых медиа и их роль как инструмента медиа-дипломатии, оказывающего влияние на политическую сферу. На основе цифровых метрик производится анализ кейсов, реализованных через социальные сети.

Ключевые слова: медиа-дипломатия, социальные сети, медиа, дипломатия.

Об авторе: Макарова Ассоль Александровна, магистрант 2 курса кафедры Информационного обеспечения внешней политики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; эл. почта: AssolM@icloud.com

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, доктор философских наук, профессор факультета Мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова; эл. почта: nbagda@mail.ru

В современном мире на политические процессы все большее влияние оказывают негосударственные акторы, среди которых особую роль играют средства массовой информации. XXI в. называют «веком средств массовой информации (СМИ)», потому что именно СМИ и журналисты стали носителями власти, позволяющей влиять на разного рода события.

Все большее значение приобретает концепция медиа-дипломатии, зародившаяся в конце XX в. С появлением социальных сетей понятие медиа-дипломатии расширилось. Свыше 5 млрд человек пользуются Интернетом, то есть более 63% населения Земли имеют доступ к Сети. При этом 4,62 млрд человек являются пользователями социальных сетей [3]. Если ранее в концепцию медиа-дипломатии включали лишь традиционные СМИ

– телевидение, радио и печатные издания, то с появлением сети Интернет произошло становление сетевых медиа, которые также стали инструментом медиа-дипломатии. Сетевые медиа позволили обычным пользователям распространять информацию, то есть теперь обычные люди получили возможность включаться в политические процессы.

Медиа-дипломатия: понятие, цели, инструменты, методы

В современном мире осуществление задач внешней политики немислимо без взаимодействия с медиа. Начиная с XX в. информационное поле претерпело значительные изменения. До 1950-х гг. преобладали печатные издания: газеты и журналы. Позднее к ним добавилось радио. Уже в середине века популярность начинает набирать телевидение, с еще большими возможностями для распространения новостей. И, конечно, уже в XXI в. коренные изменения привнес Интернет: теперь каждый человек способен сам генерировать информацию, которая может стать достоянием широкой общественности.

Медиа – один из ключевых институтов современного общества, выступая пространством коммуникации всех институтов государственного и общественного секторов, сообществ и отдельных индивидов. В связи с возросшей ролью СМИ в мире, в том числе и в политической сфере, изучение медиа-дипломатии становится все более и более актуальным.

Первые попытки осмыслить новую роль СМИ в международных отношениях и принадлежит У. Стоверу. Он выделил три способа изменения роли и характера традиционной дипломатии средствами массовой информации: сбор информации; распространение информации; воздействие на международные отношения и содействие изменению политики [24]. П. Карл отождествлял медиа-дипломатию с открытой дипломатией – простым воздействием дипломатии на СМИ и общественное мнение – или с публичной дипломатией – использованием средств массовой информации, таких как «Голос Америки», для воздействия на общественное мнение в иностранном обществе [21]. Для Дж. Рамапрасада и И. Эбо медиа-дипломатия — это просто роль, которую СМИ играют в дипломатии и внешней политике [15; 23].

Р. Аммон выдвинул медиа-дипломатию в статус новой парадигмы. Он утверждал, что системные изменения в коммуникации и в дипломатии создали новую парадигму мировой политики, которую он назвал «теле-дипломатией». По его мнению, появление и расширение глобального освещения новостей вызывает изменения в коммуникации, в то время как «новая дипломатия», в основном характеризующаяся открытостью, вызывает изменения во внешней политике. В результате, как полагает автор, методы дипломатии

вытесняются теле-дипломатией, которая начинает занимать главенствующее место в политической сфере [11].

Некоторые исследователи предложили гораздо более конкретные и сложные определения и подходы. Й. Коэн предположил, что медиа-дипломатия выполняет три политические задачи: проводит публичную дипломатию, посылает сигналы другим правительствам и получает информацию о мировых событиях. Этот подход, однако, стремится охарактеризовать медиа-дипломатию как часть публичной дипломатии [13].

Дж. Ронсли провел различие между публичной дипломатией и дипломатией СМИ: в первом случае политики используют средства массовой информации для обращения к иностранным гражданам, а во втором - к государственным чиновникам [23].

Э. Гилбоа выделил три вида использования средств массовой информации в дипломатии:

1. публичная дипломатия. СМИ используются государством для формирования общественного мнения за рубежом и повышения привлекательности государства среди иностранных граждан;
2. медиа-дипломатия: представители государства используют СМИ для продвижения интересов и разрешения конфликтных ситуаций;
3. медиаброкерская дипломатия: журналисты выступают в роли дипломатов и посредников при переговорах [17].

В этой концептуальной схеме медиа-дипломатия относится к использованию средств массовой информации лидерами для выражения заинтересованности в переговорах, укрепления доверия и мобилизации общественной поддержки соглашений.

Отметим, что, как правило, авторы концепций рассматривают медиа-дипломатию лишь под определенным углом, не включая весь спектр задач и инструментов.

Самая общая направленность медиа-дипломатии – выполнение задач внешней политики при помощи СМИ. Представители правительства, лидеры мнений и дипломаты используют ее для увеличения поддержки обществом и реализации государственных задач и политических программ. Медиа-дипломатия осуществляется посредством различных организаций и органов государства и их деятельности в самых разнообразных формах: пресс-конференции, интервью, встречи представителей правительств, посредничество. Все эти формы нацелены на создание новых связей в сфере межгосударственных отношений, поднятию рейтинга и увеличению поддержки решений, принятых правительством. Медиа-дипломатия, как новое средство в системе

международных отношений, способна помочь избежать критический ландшафт СМИ и разоблачить планы конкурентов, предотвращая распространение ложной информации.

В отсутствие прямых каналов связи или, когда одна сторона не уверена в том, как другая сторона может отреагировать на условия для переговоров или на предложения по урегулированию конфликта, официальные лица используют СМИ для отправки сообщений лидерам соперничающих государств и негосударственным субъектам. Использование СМИ без указания источников особенно эффективно, когда политики хотят запустить «пробный шар». Так они могут отмежеваться от идеи, которая может получить негативный отклик. После Арабо–израильской войны 1973 г. Г. Киссинджер усовершенствовал использование СМИ в целях сигнализации и давления во время своей знаменитой и весьма успешной «челночной дипломатии». Он часто давал высокопоставленным американским дипломатическим корреспондентам на борту своего самолета справочные отчеты, информацию и утечки, в основном предназначенные для получения уступок от сторон переговоров и выхода из тупиков. Иногда отношение к журналистам другой стороны посылает важный сигнал. Обычно сирийский лидер Х. аль-Асад и его министр иностранных дел Ф. Шараа запрещали израильским журналистам присутствовать на своих пресс-конференциях, но изменили эту политику, когда были заинтересованы в переговорах с Израилем [18].

Во время серьезных международных кризисов, или, когда все дипломатические каналы разорваны, средства массовой информации обеспечивают единственный незамкнутый канал связи и переговоров между соперничающими субъектами. Во время иранского кризиса с заложниками 1979-1981 гг. США общались с террористами, удерживающими заложников, исключительно через средства массовой информации [18]. Похожий случай произошел в 1985 г. при угоне авиалайнера TWA в Бейруте [8]. В 1990 г. госсекретарь США Дж. Бейкер поставил последний ультиматум С. Хусейну через CNN, а не через посла США в Ираке [17]. Бейкер выбрал CNN не только для того, чтобы сэкономить время, но и для того, чтобы убедить все международное сообщество в том, что США исчерпывают мирные средства для разрешения кризиса и полны решимости применить силу только в том случае, если Хусейн проигнорирует ультиматум.

Коммуникационная и информационная революция вдохновила журналистов взять на себя, прямо или косвенно, посреднические роли в сложных международных конфликтах. Журналисты стремятся к прямому вмешательству, когда они активно помогают сторонам начать официальные переговоры. Стоит только вспомнить

У. Кронкайта из CBS News, который помог организовать исторический визит президента Египта Анвара Садата в Иерусалим 19 ноября 1977 г. Благодаря интервью с президентами Египта и Израиля удалось добиться встречи двух глав государств, что способствовало подписанию мирного договора. Многие полагали, что именно Кронкайт помог остановить Вьетнамскую войну, ведь именно он снял документальный фильм про нее и заявил, что США должны вывести войска из Вьетнама, так как выиграть войну не удастся [18]. Он высказал эту точку зрения в своем «Репортаже о Вьетнаме». После просмотра передачи президент США Линдон Джонсон сказал, что, если он потерял поддержку Кронкайта, значит, он потерял доверие всей Средней Америки [19].

Но если раньше в понятие медиа-дипломатии входили только такие виды СМИ, как радио, печатные СМИ и телевидение, то сейчас медиа-дипломатия включает новые медиа или сетевые медиа.

Сетевые медиа: история становления

19 апреля 1995 г. принято считать точкой отсчета для развития сетевых медиа. В этот день в американском штате Оклахома произошел террористический акт, которые журналисты освещали именно в сети Интернет [6]. На тот момент сайты СМИ представляли собой скорее архив информации, который перепечатывали из газет. Но сразу после совершения теракта журналисты начали публиковать все новости, касающиеся этой трагедии. К этим новостям добавлялись комментарии очевидцев. Тогда же стали образовываться форумы, на которых люди обсуждали теракт и предлагали свою помощь, такие форумы называли «новостными группами». Впервые Интернет стал представлять реальную конкуренцию телевидению, радиовещанию и печатным изданиям.

Американский ежедневный новостной журнал Newsweek объявил 1995 г. годом Интернета. Последний выпуск года открывался с фразы «Это изменит все», написанной на 4 страницах. В 1997 г. появился проект SixDegrees, с помощью которого пользователи смогли создавать собственный профиль, добавлять друзей и общаться. Six Degrees признано считать первой социальной сетью. В 1999 г. создается LiveJournal – регулярно обновляемые блоги. Затем пришла эпоха Web 2.0. Web 2.0 – такой принцип организации системы, при котором наибольшая эффективность достигается за счет привлечения большего числа пользователей [6]. Период 2001–2010 гг. ознаменован появлением диалоговых систем, суть которых заключается в отправке сообщений от ресурса к пользователю и от клиента к серверу

До 2010 г. происходят изменения контента и подачи материала в сетевых медиа. В это время читатель внедряется в журналистику и уже может диктовать свои пожелания по новостной политике. К тому же, человек становится как бы внештатным журналистом, который может передавать материал СМИ или публиковать его сам. Появляется понятие конвергентной журналистики – журналистики, в которой происходит совмещение информационных и коммуникативных технологий. Люди теперь не только читатели, но и производители новостей.

Начало XXI в. – расцвет социальных сетей. В этот же период растет количество блогов. Они представляют собой сетевые журналы, которые становятся новой технологией распространения информации Web 2.0, так как теперь есть возможность не только просмотреть страничку, а подписаться и получать оповещения каждый раз, когда появляется новый контент. Эпоха Web 3.0 (2011-2020 гг.) порождает семантическую сеть. Смысл семантических сетей состоит в том, чтобы усиливать известные взаимосвязи слов. Появляется улучшенная система поиска: теперь запросы пользователей отслеживаются не только по совпадениям слов, но и смысла запроса. Журналистика стремительно переходит в Интернет. Людей, которые предпочитают визуальный контент, становится намного больше, новостные длинные тексты без визуальных компонентов не привлекают внимание пользователей. Социальные сети стали одной из главных платформ для общения пользователей, передачи и получения информации.

Сетевые медиа называют «новыми медиа». Термин «новые медиа» появился в медиа-теории в 1990-х гг. В конце XX в. термин использовался для обозначение альтернативных традиционным СМИ интерактивных электронных изданий. Сейчас же смысл несколько изменился. Дать точное определение сложно, так как нет единой концепции. К. Меллер считает, что главной особенностью является использование Интернета и мобильных технологий. Л. Мэтьюз говорит, что новые медиа включают в себя онлайн-технологии, методики и среды, которые люди используют для создания контента и обмена новостями и мнениями. А. Каплан и М. Хенлейн определяли социальные медиа как «группу интернет-приложений, основанных на идеологических и технологических основах web 2.0 и позволяющих создавать пользовательский контент и обмениваться им» [20]. Новые СМИ имеют несколько основных составляющих:

1. цифровой формат – располагается в сети Интернет;
2. интерактивность – постоянная взаимосвязь пользователей и производителей контента, а также участие аудитории в процессе создания;

3. гипертекстуальность – текст может представлять из себя бесконечное множество текстов, которые объединяются внутренними и внешними ссылками;

4. конвергентность – синтез различных форм и видов контента и его перемещение от одной медиаплатформы к другой, объединение в один мультимедийный массив;

5. мультимедийность – информация предоставляется с помощью различных медийных платформ (текст, фотография, аудио, видео, графические изображения).

Р. Джонсон считает отличительной чертой социальных сетевых медиа то, что они представляют не одностороннюю коммуникацию, а двух-, а то и мультистороннюю коммуникацию. Новые медиа должны обладать всеми этими характеристиками одновременно, так как те же самые газеты могут быть мультимедийными посредством общения с читателями через телефон, но цифровыми они при этом не являются. К сетевым медиа относят Интернет-СМИ (сайты СМИ), электронные версии СМИ, блоги, подкасты, социальные сети.

В научной литературе можно встретить два подхода к определению термина «социальные медиа». Первый – технологический подход, по которому новые медиа воспринимаются как технологии для распространения контента. Второй – структурно-типологический подход, который говорит о разных видах сайтов в Интернете [2]. Новые медиа – интерактивные электронные издания, которые включают в себя новые формы коммуникации между производителем и потребителем контента, а также новые методы производства и распространения контента, среди которых можно выделить следующие: любой может создавать контент, современная информационная среда больше находится под контролем пользователя, чем создателю медиаконтента и любая информация превращается в коммуникацию.

Новизна форм коммуникации проявляется в таких характеристиках, как: расширение контактов между людьми и различными группами; интерактивный диалог, то есть активный обмен сообщениями между пользователями и информационной системой в режиме реального времени; индивидуализированные сообщения могут быть отправлены любому количеству людей, при этом каждый участвующий принимает на себя некоторую часть контроля над контентом; ускоренное общение, благодаря которому сообщения преодолевают тысячи километров за миллисекунды [1; 4].

Сетевые медиа как инструмент медиа-дипломатии

Сетевые технологии хорошо показали себя во всех сферах жизни. Роль сетевых медиа значительно возросла. Ранние формы сетевых медиа в 1990-х гг. уже имели некоторое политическое измерение. Форумы того периода уже пытались использовать в электоральных процессах. После всплеска активности социальных сетей в начале 2000-х гг., в 2008 г. они впервые активно использовались в президентских выборах в США, когда на пост баллотировались Б. Обама и Дж. Маккейн. Именно тогда кандидаты стали создавать свои профили в социальных сетях с целью продвижения своей предвыборной программы. Интересным является тот факт, что М. Ромни даже выпустил бесплатное мобильное приложение, которое транслировало его слоганы.

Сам факт появления таких средств коммуникаций изменил весь мир. Информация стала доступна для каждого. Это повлияло не только на расширение аудитории, но и на нахождение пользователей в сети, так как контент значительно улучшился, тем самым вызывая зависимость людей от постоянного обновления новостной ленты, чтобы не пропустить ярких событий. С одной стороны, новые технологии увеличили открытость информации, но с другой – создали возможность концентрации власти над потоками информации среди узкого круга лиц, так как всю информацию о событиях в мире мы получаем от новостных агентств.

С момента, когда социальные сети стали сетевыми СМИ, правительства разных стран стали использовать их для достижения своих целей. Медиа-дипломатия, в свою очередь, стала включать не только традиционные СМИ (телевидение, радио, печатные издания), но и новые медиа, что позволило еще быстрее и эффективнее выполнять задачи внешней политики. Интернет превращается в основной канал СМИ, что вынуждает дипломатию также перейти во «всемирную паутину» [7]. СМИ стали использовать свои ресурсы в сети Интернет, как, например, работа зарубежных и местных СМИ Бразилии в интернет-пространстве во время процесса импичмента президента Бразилии Длимы Русеф [12].

Около 78% людей в мире доверяют информации, которые там публикуется. Традиционным же СМИ доверяют лишь около 45%. Именно это факт стал основой для использования сетевых СМИ в дипломатии. Благодаря Интернету у СМИ появилась возможность измерять интерес аудитории к разным проблемам: комментарии потребителей контента позволяют более точно определять повестку дня. Социальные сети

способствуют увеличению доверия к СМИ, так как в этом пространстве люди являются не только реципиентами, но и коммуникаторами [1; 14].

Представители правительства разных стран используют новые средства массовой информации, в частности, социальные сети, для информирования населения о важных событиях. Так, Д. Медведев – активный пользователь Telegram. Сетевые СМИ выступают влиятельным политическим институтом современного общества, важнейшая задача которого – непрерывное транслирование политической информации и формирование общественного мнения по наиболее важным политическим проблемам.

Новые средства массовой информации избегают цензуры государства, что с одной стороны, большой плюс, ведь они могут публиковать материал со всеми красочными деталями, но, с другой стороны, это может привести к серьезным последствиям. Кроме того, социальные сети – эффективный инструмент влияния. Информация очень быстро распространяется среди людей, в особенности подростков, которые легко поддаются манипуляции. Одним из ярких примеров использования новых медиа является «арабская весна», которую называют революцией в социальных сетях. Граждане арабских стран почувствовали свободу и поняли, что могут влиять на политические процессы с помощью новых СМИ. Традиционные СМИ жестко ограничивались правительствами, что не давало возможности распространять информацию через традиционные каналы.

Еще одной проблемой социальных медиа стало понижение качества информации, ее достоверности, так как каждый человек может опубликовать любую информацию без доказательств, и недостоверная информация может стать достоянием общественности. Так произошло в 2016 г., когда в социальных медиа распространилась информация о том, что влиятельные сторонники Х. Клинтон связаны с тайной организацией педофилов. Все публикации основывались на опубликованной на Wikileaks статье. Пользователи пришли к мнению, что Дж. Подеста в своих письмах на почте использовал фразу «пицца с сыром» для обозначения детской порнографии, в английском языке эти словосочетания имеют одинаковые начальные буквы. В результате этих фейковых публикаций, Э. Мэддисон произвел в пиццерии CometPingPong 4 выстрела из винтовки [14].

В современном информационном мире, характеризующимся быстрым распространением информационных технологий, глобализацией общественных процессов, международной конвергенцией и информационными угрозами, актуальность исследований медиа-дипломатии кардинально возрастает. Медиа-дипломатия включает в себя не только традиционные СМИ, но и сетевые медиа, имеющие огромное влияние на

политическую сферу. Информация в сети распространяется с огромной скоростью и контролировать становится все сложнее. Сетевые медиа стали необходимым инструментом для реализации целей внешней политики. Социальные сети получают огромное влияние, требуя более пристального внимания со стороны правительств и их включения в актуальные политические процессы.

Библиографический список:

1. Атанесян А.В. Влияние социальных сетей на протестное поведение (на примере Армении) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 73–84.
2. Верещагина В. И. Актуальность использования цифровых инструментов «мягкой силы» и их классификация // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2021. №4. С. 112-117.
3. Барышников, Д. Н. «Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации / Д. Н. Барышников, А. Н. Туленков // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2021. № 4. С. 121–128.
4. Милорава А. Р. Роль блогосферы в политическом процессе России // Молодой ученый. 2019. № 11(249). С. 136-138.
5. Николаевич И. С. Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией. СПб: Питер, 2018 320 с.
6. О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0? [Электронный ресурс] // Computerra. Режим доступа: <http://www.computerra.ru/think/234100/> (дата обращения: 08.12.2022).
7. Селезнева М. П. Использование интернет-блогов и социальных сетей в российской политике / М. П. Селезнева, А. В. Щуцкая // Международный журнал гуманитарных и естественных наук 2021 №11-1. С. 103-106.
8. Суфиянова Г. Р. Социальные сети и политика / Г. Р. Суфиянова, Зудова Е. О. // Сравнительная политика. 2019. №1. С. 165-167.
9. Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 37–47.
10. Allcott H., Gentzkow M., «Social Media and Fake News in the 2016 Election» / H. Allcott, M. Gentzkow // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31. № 2. Pp. 211–236.
11. Ammon R. Global television and the shaping of world politics: CNN, telediplomacy, and foreign policy. Jefferson, NC: McFarland, 2001. 207 p.

12. Brazilian external policy and media: the media diplomacy in the Dilma impeachment crisis [Electronic resource] // Research Gate. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Alexandre-Leite4/publication/332471371_Brazilian_external_policy_and_media_the_media_diplomacy_in_the_Dilma_impeachment_crisis_2016/links/5cb76e98299bf120976cc661/Brazilian-external-policy-and-media-the-media-diplomacy-in-the-Dilma-impeachment-crisis-2016.pdf (accessed date: 08.12.2022).
13. Cohen Y. Media Diplomacy: The Foreign Office in the Mass Communications Age (1st ed.). London: Routledge, 1986. 207 p.
14. Duncombe C. «Twitter¹ and Transformative Diplomacy: Social Media and Iran-US Relations» // International Affairs. 2017. Vol. 93. № 3. Pp. 545–562.
15. Ebo E. Media diplomacy and foreign policy: Toward a theoretical framework // News media and foreign relations. Norwood, NJ: Ablex, 1996. Pp. 43–57.
16. Gilboa E. «Media Diplomacy: Conceptual Divergence and Applications» // The Harvard International Journal of Press/Politics. 1998. № 3(3). Pp. 56-75.
17. Gilboa E. Diplomacy in the media age: Three models of uses and effects [Electronic resource] // Diplomacy and Statecraft. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/09592290108406201> (accessed date: 08.12.2022).
18. Gilboa E. Media diplomacy in the Arab–Israeli conflict // Media and conflict: Framing issues, making policy, shaping opinions. Ardsley, NY: Transnational, 2002. Pp. 193-211.
19. Baker J. The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989-1992. New York: Putnam, 1995. 752 p.
20. Kaplan A. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media / A. Kaplan, M. Haenlein // Business Horizons. 2010. Vol. 53. № 1. Pp. 59–68.
21. Karl, P. Media Diplomacy // Proceedings of the Academy of Political Science. 1982. Vol. 34. № 4 Pp. 143–152.
22. Ramaprasad J. Media Diplomacy // Search of a Definition. Gazette, Leiden, Netherlands. 1983. № 31(1). Pp. 69–78.

¹ Заблокирован на территории РФ – прим. ред.

23. Rawsley G. Media Diplomacy: Monitored Broadcasts and Foreign Policy Discussion papers in diplomacy // Leicester. 1996. Vol. 6. Pp. 12-18.

24. Stover W. Journalistic diplomacy: mass media's new role in the conduct of international relations // Peace Research. 1981. Vol. 13. № 3. Pp. 113-118.

Makarova A. A. **Social media as a tool of media diplomacy**

In today's world, network media are becoming increasingly popular, replacing traditional media. The advent of blogs, websites and social networks has opened up new possibilities. The article discusses the concept of media diplomacy, the history of the formation of network media and their role as a tool of media diplomacy that has an impact on the political sphere. On the basis of digital metrics, the analysis of cases implemented through social networks such as Telegram, Twitter, Facebook is carried out.

Keywords: media diplomacy, social networks, media, diplomacy.

УДК 159.9.07

Е. А. Фролов

Выученная беспомощность и пути ее преодоления у младших школьников: на примере консультативного случая

Аннотация:

Статья посвящена феноменологии выученной беспомощности и проблемам ее преодоления. Рассматриваются основные точки зрения на определение и феноменологию выученной беспомощности. Феномен рассматривается автором с позиций культурно-исторической психологии. Приводится характеристика подопечных с выученной беспомощностью, на основе которой описывается подход к изучению и преодолению феноменологии беспомощности у младших школьников в учебной деятельности. Изучаются условия оформления и основные феноменологические моменты выученной беспомощности у младших школьников, проводится анализ ее функциональных и структурных элементов. Автор приводит результаты пилотажного исследования феноменологии и условий преодоления выученной беспомощности.

Ключевые слова: выученная беспомощность, феноменология выученной беспомощности, генезис выученной беспомощности, преодоление выученной беспомощности.

Об авторе: Фролов Евгений Александрович, ассистент кафедры клинической психологии Государственного Университета «Дубна»; эл. почта: fvevgeny@gmail.com

Научный руководитель: Хозиев Вадим Борисович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»; эл. почта: v_hoziev@mail.ru

В современной психологии существует несколько оригинальных подходов к пониманию феномена выученной беспомощности (далее – ВБ). Классическая объяснительная модель ВБ изложена в работах М. Селигмана [26]. Сторонники этой модели – М. Селигман, С. Майер, Л. Абрамсон и др. – понимают ВБ как реакцию отказа

от выполнения действия, берущую начало в убеждении, что никакие действия субъекта не имеют силы в подобной ситуации (пессимистический стиль атрибуции) [26]. Вторая точка зрения представлена в работах советских психофизиологов В. В. Аршавского и В. С. Ротенберга, согласно которым за беспомощностью стоит нарушение поисковой активности животного, выраженное в прекращении или свертывании поиска в ситуации, где он необходим [14]. Третью точку зрения представляет ряд подходов с эклектичной позицией, в которой объяснение ВБ дается через синтез различных концепций: теорию поля К. Левина и концепцию поисковой активности, концепцию М. Селигмана и теорию интегративной индивидуальности Мерлина, теорию деятельности С. Л. Рубинштейна и концепцию жизнестойкости [9; 10; 18].

Обзор подходов к объяснению ВБ показывает, что в них практически не изучается генез ВБ. Из-за игнорирования становления различных вариантов беспомощности классические модели ВБ отличаются друг от друга и в представлениях о структуре феномена: в одних случаях беспомощность определяется как *поведение*, характеризующееся пессимистическим стилем атрибуции, в других – как *совокупность нарушений*, в-третьих – как преходящее, нестабильное *состояние* [22; 21; 12]. В критике классических исследований ВБ часто встречаются замечания о чрезмерной обширности имеющихся определений [23; 32].

Несоразмерность общепринятых определений ВБ (где дефиниенс шире дефиниендума по объему) приводит к полисемии, из-за которой под определение ВБ попадают депрессивные или тревожные эпизоды, апатия, снижение мотивации, уходы от нежелательной деятельности и другие клинические феномены. Наиболее наглядным примером последствий такого подхода является фактическое отождествление депрессии и ВБ в поздних исследованиях М. Селигмана [30; 28]. Очевидно, что решение этой проблемы возможно лишь в том случае, если в определении ВБ будут представлены конкретные описания структуры (влияний ВБ на деятельность подопечного), функционирования (способ развертывания, варианты проявления) и генезиса (условия, причины и стадии развития) беспомощности.

В классических исследованиях генезис ВБ представлен в виде простой цепи причин и следствий: неподконтрольные события приводят к формированию пессимистичного стиля атрибуции, который проявляется в поведении в виде беспомощности. В отечественных исследованиях дополняют эту простую схему, указывая на «средовую» природу феномена ВБ. Выделяются различные «средовые» факторы,

обуславливающие развитие феномена: дисгармоничные стили воспитания (попустительский, авторитарный и гиперопекающий), психотравмирующие события, проблемы в отношениях со сверстниками и учителями [19]. В процессе становления ВБ, по мнению авторов этих концепций, также действуют такие факторы как: генетическая предрасположенность, личностные особенности подопечных, нарушения когнитивной, мотивационной и других сфер психики [19; 21]. Таким образом, исследования генезиса ВБ ограничиваются указанием на факторы, способствующих в той или иной степени становлению феномена на разных ступенях развития человека.

Современные школьные психологи и педагоги знают множество детей, скрывающихся за ВБ от образовательного процесса, не понимая и не принимая требований учителей и родителей. В предыстории таких школьников обычно не находится опыта планомерной и последовательной подготовки к школе. В результате уже в учебной деятельности у них мы наблюдаем имитацию учебного процесса: феномены замирания, свёртывания активности, порой проявляющейся в виде «псевдоглухоты» и игнорирования просьб взрослых и др. Ребенок как бы уходит от выполнения учебных задач, отказывается принимать помощь и подсказки, использовать самые простые средства, призванные улучшить и упростить решение учебной задачи.

В социальной ситуации развития таких подопечных обычно формируется рентная установка по отношению к учебной деятельности: учитель или родитель не ставит двойки и не спрашивает их на уроках, поскольку отрицательная оценка или ситуация неуспеха приводит к еще большему снижению активности, работоспособности, увеличению отвлекаемости и негативным эмоциям. В нашей статье мы попытаемся на примере одного консультативного случая проследить условия возникновения и развития ВБ, обозначить формы и методы совместной деятельности, позволяющие преодолеть беспомощность у младшего школьника.

В основе нашего подхода к изучению и преодолению ВБ лежит культурно-историческая концепция Л. С. Выготского [3; 4], метод планомерного поэтапного формирования П. Я. Гальперина [5; 6; 7; 8], а также консультативный метод [3; 15; 16; 17]. Для исследования генезиса ВБ проводилось обследование подопечного, результаты которого позволили восстановить и описать его историю развития и социальную ситуацию. Обследование включало в себя методику «Линии жизни» (Life-line – Шарко Ж.-М., Кроник А. А., Хозиев В. Б.), клиническую беседу с родителями, отчеты родителей о поведении подопечных в домашних условиях, а также в условиях совместной учебной и

внеучебной деятельности. Информация о реальной деятельности подопечного, а также условиях ее протекания стала основным материалом, из которого в процессе качественного анализа протоколов занятий выделялись наиболее характерные симптомы ВБ.

Выявленные в ходе анализа занятий проявления оказались основным источником информации о деятельности беспомощного подопечного. Кроме того, они же указали на правильность подбора смыслового и мотивационного контекста, адекватность средств намеченным «мишеням» работы. Для наглядной демонстрации зависимости проявления ВБ от контекста деятельности был проведен количественный анализ результатов занятий. Каждая поставленная перед подопечным учебная задача потенциально могла быть либо выполнена, либо отвергнута им, что оценивалось как отсутствие или проявление ВБ соответственно.

Если учебная задача была отвергнута (и мы наблюдали симптоматику ВБ), то в протоколе такое действие подопечного обозначалось как единичное проявление беспомощности. Если учебная задача была принята и решена подопечным без уходов и отказов (или иных проявлений ВБ), то это действие обозначалось как успешное выполнение задания. Затем для каждого занятия производился подсчет всех успешных и неуспешных действий подопечного и рассчитывалась вероятность успешного выполнения учебной задачи в условиях конкретного занятия.

Ниже будут представлены результаты психологического сопровождения младшего школьника (В., 9 лет) с ВБ в учебной деятельности. Родители подопечного обратились к психологу с запросом на проведение развивающих занятий с целью преодоления трудностей в учебной деятельности и формирования внимания. В школе В. отвлекался на уроках и отвлекал одноклассников, пытался разными способами избежать активного участия в выполнении учебных задач, со второго класса не выполнял домашних заданий и просил помощи даже при решении простых задач, которые ранее мог решать самостоятельно.

Поскольку в младшем школьном возрасте игровая деятельность еще остается актуальной и значимой для ребенка, мотивационно игровые задачи принимаются подопечным проще, а игра составляет зону актуального развития, было решено выстраивать занятия с В. вокруг игрового сюжета с постепенным включением в него учебных задач различной сложности. Общий план занятий предполагал обеспечение

плавного перехода мотивационной стороны учебной деятельности от игровых мотивов к познавательной мотивации.

Ниже представлен анализ 20 наиболее показательных занятий, проходивших друг за другом на протяжении 2-х месяцев. Первые 7 занятий проходили в контексте игровой деятельности. Подопечному предлагались разного рода игры, загадки, головоломки, в которые были вплетены операционально недоступные В. задачи из школьной программы. К 8-му занятию появилось общее для всех заданий содержательное и смысловое звено: полицейская тематика, мотивационно значимая для подопечного, ведь отец В. (выступавший для школьника авторитетом) работал в полиции.

Дальнейшие занятия преподносились подопечному как уроки в «полицейской академии», предполагающей включение школьных и других сложных для подопечного учебных задач в общую тематику изучения профессиональной деятельности полицейского. Для успешного развертывания нового и более сложного смыслового контекста на некоторые занятия был введен еще один психолог, который должен был «отыгрывать» роль инструктора полицейской школы, предлагая подопечному новые задания и проверяя их исполнение в конце занятия.

Количественные показатели проявления ВБ на занятиях с В. представлены на графике ниже.

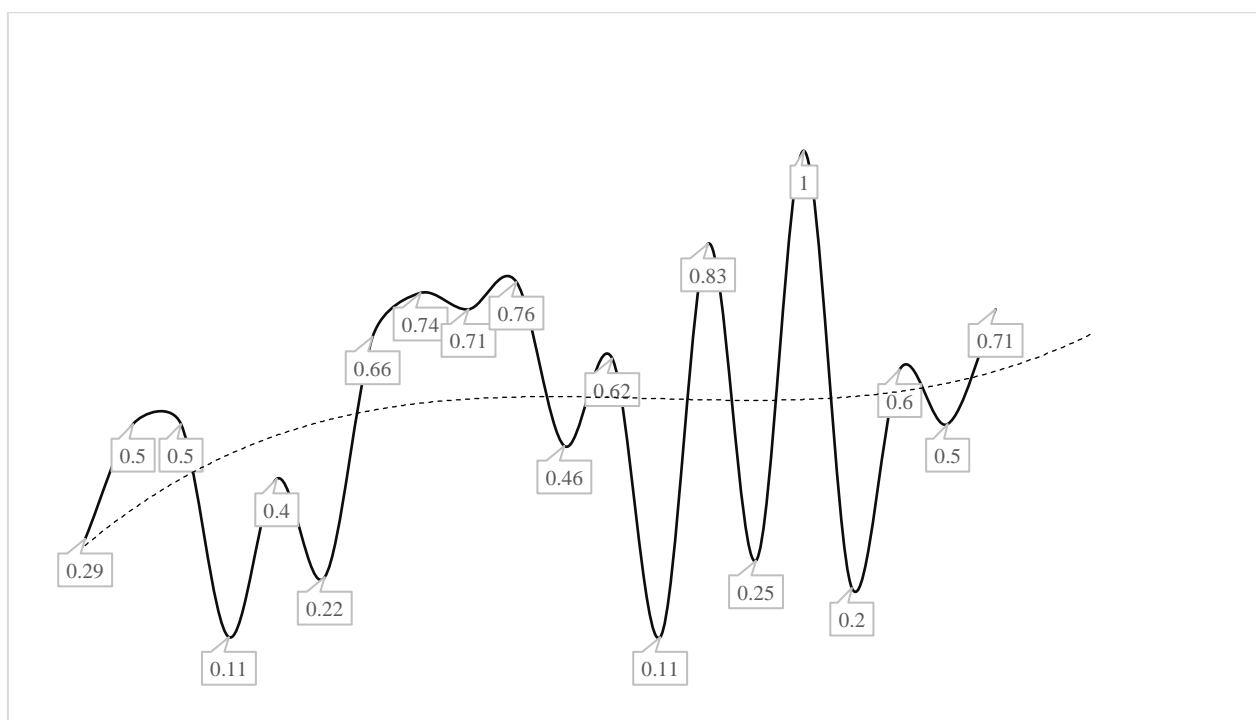

Рис. 1. Динамика успешного выполнения учебной задачи в ходе 20-ти занятий

Заметно, что интенсивность проявлений ВБ у В. имеет наибольшее значение на занятиях №4, №6, №13, №15, №17. При этом до 7-го занятия проявления беспомощности (неуспешные действия) преобладали при решении учебных задач на большинстве занятий. После 8-й встречи мы наблюдаем падение проявлений ВБ, что указывает на изменения отношения В. к учебным задачам, предлагаемым на занятии. Отметим, что сложность и характер учебных задач почти не менялись, однако изменился смысловой контекст их выполнения.

После 12-го занятия чередуются резкие спады и подъёмы успешности выполнения задач, а значит, увеличения и снижения проявлений ВБ. Если на 11-м занятии спад успешности вызван предшествующей ссорой с учителем и общим снижением настроения подопечного, то на занятиях №13, №15 и №17 спады активности вызваны изменением структурных элементов самих занятий с психологом: на них не приходил второй психолог, отыгрывающий «полковника полиции», а учебные задачи передавались не лично В. в руки, а через письмо. Вместе с тем на занятиях №10, №12, №14, №16, №18, №20 второй психолог присутствовал, – приходил, чтобы дать и забрать задание, но большую часть времени проводил вне комнаты, где проходило занятие, – что полностью завершало смысловой контекст.

В процессе анализа протоколов занятий мы обнаружили, что важнейшим условием, позволяющим устранить влияние ВБ на подопечного, стало использование негативно означенных учебных задач в новом непедagogическом контексте, в ином смысловом и мотивационном контексте их выполнения. В психологическом консультировании младшего школьника с ВБ новый контекст выполнения задания должен переоформляться в новый смысл деятельности. В нашем случае учебная деятельность в представлении подопечного начинала осуществляться не ради формального удовлетворения требований взрослого, но ради новой смысловой системы, связанной с жизненными интересами подопечного.

Однако включение учебных задач в новый смысловой контекст не всегда может происходить открыто. При работе с ВБ становится ясно, что для предотвращения отказов от выполнения заданий необходима «маскировка» школьных заданий и всех моментов учебной деятельности, которые подопечный связывает со школьным или старым, дидактическим контекстом.

К примеру, подопечный В. на занятиях крайне негативно относился к арифметическим операциям, в частности, к таблице умножения, не ориентируясь в ней и

отвергая попытки взрослых сориентировать себя. Выражалась такая дезориентировка в реализации подопечным особого способа решения задач на умножение методом неразумного нерелексивного перебора всех возможных чисел с надеждой «попадания» выбранного числа в точку (занятие 4). Для формирования ориентировки в этом действии на занятиях вводилась задача по сравнению, поиску отличий и количественному подсчету площади разных участков суши на 2-х спутниковых снимках одной и той же местности. Мотивировалась эта задача необходимостью оказать помощь «полицейским», которые ловят опасных преступников, незаконно вырубаящих лес: измерение подопечным площади вырубки лесного массива помогало «полицейским» оценить ущерб и обнаружить важные улики.

Для количественного подсчета отличий вводилась схема ориентировочной основы действия (ООД), содержащая алгоритм подсчета площади, после чего эта схема применялась на материале аналогичных задач, варьируемых таким образом, чтобы при умножении длины на ширину разных объектов получались результаты из таблицы умножения. Применяя схему ООД и записывая полученные значения в специальную таблицу, подопечный упрощал себе дальнейшие подсчеты за счет ориентировки на заранее записанные в таблицу и уже запомнившиеся результаты (занятия №9-12).

Таким образом, одним из самых сложных для подопечного операциональных звеньев (умножение) плавно включилось в мотивационно значимую задачу (помощь «полицейским»), и через эту интеграцию заново открылось для подопечного, однако в новой системе значений.

В приведенном примере можно обнаружить еще одно важное условие преодоления ВБ: при постепенном и органичном включении школьных заданий в психологические занятия необходимо материализовывать средства и разворачивать полную систему ориентиров (в традициях планомерно-поэтапного формирования), достаточную для решения этих задач. Развернутые ориентиры и материальные средства (схемы ООД) постепенно должны были стать площадкой для компенсации неполноценности операциональной части. Эта компенсация является важным шагом на пути преодоления неполной, обусловленной негативным эмоциональным опытом ориентировки в учебных задачах, средствах, понятиях, нередко синкретичного смысла учебной деятельности подопечного.

Однако, как видно из количественного анализа полученных результатов, даже на специальном образом организованных занятиях с беспомощными подопечными

встречаются эпизоды тотальной неуспешности при выполнении задач с нарастанием проявлений ВБ. Исследование феноменологии этих затруднений позволило нам детально рассмотреть, описать и охарактеризовать центральную функциональную единицу феномена ВБ у нашего подопечного. Таковой нам представляется преждевременное патологическое свертывание ориентировки подопечного в ситуации затруднения или ситуации субъективно означенной как затруднительная. Подобное понимание функции ВБ следует из понятия ориентировки субъекта в проблемных ситуациях как функции психики [6]. Необходимость ориентировки возникает в ситуации неопределенности, неясности, невозможности обойтись привычными формами действия.

Таким образом, препятствие, неудача при выполнении действия выступала основным условием, при котором возникала необходимость дополнительного анализа ситуации. Вторым моментом этого процесса выступает свертывание ориентировки – интериоризация контекстуальных, существенных для поставленной перед подопечным задачи характеристик ситуации, обеспечение перехода к исполнительной части действия. Свертывание ориентировки при ВБ происходит преждевременно, на основе несущественных характеристик ситуации, синкретичного ее понимания.

Этот процесс можно условно разделить на несколько этапов. На первом этапе беспомощный подопечный сталкивается с проблемной ситуацией. Вторым этапом становится эмоциональное означивание структурных элементов ситуации, первичная ориентировка в ней, ориентировка на знакомые и понятные элементы. В случае В. таковыми стали структурные элементы учебной деятельности: например, на первых занятиях подопечный, видя цифры или символы, обозначающие арифметические действия на листе бумаги, сразу же оценивал задание как плохое, непригодное для дальнейшего выполнения.

Третьим этапом выступает отказ от дальнейшего действия со структурным элементом в рамках поставленной задачи, отказ от рассмотрения этого элемента в его отношениях с другим элементами задачи, а также использования его в других задачах. Этот этап можно проиллюстрировать следующим примером: В. отказывался от линейки для рисования ровных линий, при спокойном использовании в этом качестве обычной ровной палочки из-за того, что до этого у него не получалось успешно пользоваться ей на уроках. Ведущим ориентиром для разделения значения линейки и палочки для В. были цифры, при этом римские цифры, нарисованные психологом на палочке, не смущали и не останавливали подопечного.

Четвертым этапом становится отказ от любых дальнейших способов осуществления ориентировки в предмете и связанной с ним задачей, дальнейший перенос негативного значения предмета за пределы задачи, в рамках которой это значение сформировалось. Иллюстрацией четвертого этапа будет продолжение предыдущего примера, при котором подопечный В., однажды негативно воспринявший линейку с арабскими цифрами в учебной деятельности, каждый последующий раз независимо от условий отказывался ее использовать и слушать взрослого, пытающегося объяснить значение линейки во внеучебной деятельности.

Результатом свертывания ориентировки выступает особое поведение подопечного, специфический набор действий, которые могут выглядеть так: феноменология «замирания» – при неправильном выполнении «важного» задания подопечный буквально замирает в ожидании наказания; демонстрация окружающим «маски мутизма» – в ситуации неправильного выполнения социально значимой задачи подопечный перестает говорить и отвечать на вопросы, пытаясь избежать какого-либо контакта и диалога со взрослым; немотивированное затягивание выполнения задачи – подопечный может 10 минут писать одно предложение, состоящее из пяти слов, или 15 минут складывать в столбик два двухзначных числа, в то время как в ситуации игрового мотива эти действия выполняются им за 0.5-1.5 минуты; простые уходы и отказы от решения негативно означаемых задач; быстрые и необдуманные ответы, основывающиеся, например, на рифме – «семью пять – это двадцать пять!»; спутанность ответов при требовании быстрого решения ряда похожих задач – при решении задач «*Как нам удвоить количество колес на складе?*» или «*У нас на складе есть 5 двигателей. Сколько у нас будет всего двигателей, если на склад привезут еще 3?*» ответы подопечного звучали так: «*2! А, это 3-1, значит 2!*» или «*Надо уминусовать 3!*»; выбор неуместных, но привычных и субъективно «успешных» способов решения.

Описанные проявления ВБ генетически сложно связаны. Сужение возможностей ориентировки, возникающее в результате ее преждевременного свертывания, не позволяет подопечному нарастить операциональную основу действия. В свою очередь, это становится почвой для возникновения новых неудач и новых поводов для ухода в сторону позиции пассивного ожидания, тогда как неадекватные ведущей деятельности и требованиям окружающих ориентиры, составляющие основу ВБ, указывают подопечному только на имеющиеся здесь и сейчас возможности ухода или отказа от учебной деятельности. Сама активность подопечного не сосредоточена больше на поиске

адекватного объективно заданным условиям задачи решения, но направлена на снятие задачи посредством других возможностей, в которых он более ориентирован и которые открываются перед ним в социальной ситуации развития: через уход, симуляцию активности, отказ, затягивание выполнения задачи, негативный и бурный эмоциональный отклик и т.д.

В результате проведенного исследования случая В. мы можем построить некоторые гипотезы, касающиеся структурной и функциональной стороны феномена ВБ. Представляется, что центральным моментом в функционировании ВБ младшего школьника выступает патологическое свертывание ориентировки в деятельности. Этот процесс происходит на основе негативного означивания учебной деятельности, синкретичного понимания ее смысла, отсутствия устойчивой личностной позиции младшего школьника, позволяющей избегать ситуации дезориентировки, то есть ситуации, при которой подопечный не знает, чего ожидать от окружающих, как решать поставленные задачи, как использовать привносимые средства.

Феномен ВБ у младших школьников можно охарактеризовать двояко. С одной стороны, как особую личностную позицию, включающую в себя как негативные значения отдельных учебных средств и задач, так и негативную, синкретическую оценку смыслового содержания учебной деятельности в целом; с другой стороны, как феномен свертывания ориентировки в трудной учебной задаче, возникающей из-за синкретичного понимания (фактически непонимания) значения и смысла этой задачи.

Преодоление ВБ оказалось невозможным без специальной психологической работы с социальной ситуацией развития, а также без формирования эффективной совместной деятельности подопечного с родителями. В этой связи важнейшими задачами консультирования младшего школьника с ВБ становятся: устранение застревания на первичной (то есть эмоциональной) ориентировке в учебной деятельности, преодоление синкретического значения учебной деятельности, в рамках которой возникает симптоматика ВБ, через включение задач и средств учебной деятельности в доступный подопечному мотивационный и смысловой контекст, устранение препятствий на пути реализации этого смыслового контекста, доформирование операциональной и мотивационной основы деятельности.

Выделив условия развертывания феноменологии беспомощности, мы не смогли полностью решить проблему генезиса ВБ. Однако эта проблема может быть решена в последующих исследованиях в рамках культурно-исторического подхода, поскольку

вслед за раскрытием условий становления ВБ следует обозначить причинную детерминацию феномена, этапы его становления при различных вариантах дебюта.

Библиографический список:

1. Волкова О. В. Уровень развития воли подростка как условие, определяющее степень выраженности выученной беспомощности взрослого // СПЖ. 2017. № 66. С. 66-81.
2. Волкова О. В. Теоретико-методологический анализ исследований выученной беспомощности: актуальность психосоматического подхода // Сибирское медицинское обозрение. 2013. № 4. С. 43-47.
3. Выготский Л. С. Основы дефектологии. СПб: Лань, 2003. 654 с.
4. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
5. Гальперин П. Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М.: Издательство Московского университета, 1985. 45 с.
6. Гальперин П. Я. Введение в психологию: Учебное пособие для вузов. М.: Книжный дом «Университет», 1999. 332 с.
7. Гальперин П. Я. Метод «срезов» и метод планомерного поэтапного формирования в исследовании детского мышления // Вопросы психологии. № 4. 1966. № 4. С. 128-135.
8. Гальперин П. Я. Функциональные различия между орудием и средством // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. М.: МГУ, 1980. 304 с.
9. Геранюшкина Г. П. Сценарии выученной беспомощности / Г. П. Геранюшкина, О. Э. Афраимович // Психология в экономике и управлении. 2013. № 1. С. 17-22.
10. Забелина Е. В. Результаты исследования феномена беспомощности в структуре интегральной индивидуальности подростка // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 312. С. 165-169.
11. Залевский Г. В. «Выученная беспомощность» как состояние у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития / Г. В. Залевский, А. А. Завертяева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, Педагогика, Психология. 2016. № 1. С. 89-96.
12. Залевский Г. В. Диагностика состояния беспомощности в старшем дошкольном возрасте / Г. В. Залевский, А. А. Завертяева // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 1. С. 4.

13. Ильин Е. П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. М.: Питер, 2011. 224 с.
14. Ротенберг В. С. Поисковая активность и адаптация / В. С. Ротенберг, В. В. Аршавский. М.: Наука. 1984. 193 с.
15. Хозиева М. В. Практикум по возрастно-психологическому консультированию. М.: Академия, 2005. 320 с.
16. Хозиев В. Б. Консультативный метод исследования как грядущая парадигма психологии // Северный регион: наука, образование, культура. 2006. № 2.
17. Хозиев В. Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования в грядущей парадигме психологии // Методология и история психологии. Т. 2. № 1. 2007. С. 190-206.
18. Циринг Д. А. Исследование жизнестойкости у беспомощных и самостоятельных подростков // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 336-342.
19. Циринг Д. А. Средовая природа личностной беспомощности: результаты эмпирического исследования / Д. А. Циринг, И. В. Пономарева, М. В. Овичинников, К. Ю. Эвнина, Ю. В. Честюнина // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 10 (54). С. 283-296.
20. Циринг Д. А. Структура личностной беспомощности: постановка проблемы // Человек. Спорт. Медицина. 2005. № 15 (55). С. 176-180.
21. Циринг Д. А. Эмпирическое исследование стилей семейного воспитания и особенностей взаимоотношений с родителями в семьях детей с личностной беспомощностью / Д. А. Циринг, И. В. Пономарева, М. В. Овичинников, Е. А. Евстафеева, Ю. В. Честюнина // Фундаментальные исследования. 2014. № 11-4. С. 929-933.
22. Abramson L. Learned helplessness in humans: critique and reformulation / L. Abramson, M. Seligman, J. Teasdale // Journal of Abnormal Psychology. 1978. № 87. Pp. 49-74.
23. Buchwald A. A critical evaluation of the learned helplessness model of depression // Journal of Abnormal Psychology. 1978. Vol. 87. № 1. Pp. 180-193.
24. Gillham J. School-based prevention of depression and anxiety symptoms in early adolescence: A pilot of a parent intervention component / J. Gillham, K. Reivich, D. Freres (et al.) // School Psychology Quarterly. 2006. Vol 21. № 3. Pp. 323-348.

25. Klein D. Learned helplessness, depression, and the attribution of failure / D. Klein, E. Fencil-Morse, M. Seligman // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1976. № 33. Pp. 508-516.
26. Maier S. Learned helplessness at fifty: Insights from neuroscience / S. Maier, M. Seligman // *Psychological Review*. 2016. № 123(4). Pp. 349–367.
27. Miller W. Depression and learned helplessness in man / W. Miller, M. Seligman // *Journal of Abnormal Psychology*. 1975. № 84(3). Pp. 228-238.
28. Seligman M. Depressive attributional style / M. Seligman, L. Abramson, A. Semmel, C. von Baeyer // *Journal of Abnormal Psychology*. 1979. № 88. Pp. 242-247.
29. Seligman M. Failure to escape traumatic shock / M. Seligman, S. Maier, J. Geer (et al.) // *Experimental Psychology*. 1967. №74. Pp. 1-9.
30. Seligman M. Learned helplessness as a model of depression. Comment and integration // *Journal of Abnormal Psychology*. 1979. № 87. Pp. 165-79.
31. Seligman M. The alleviation of learned helplessness in dogs / M. Seligman, S. Maier, J. Geer // *Journal of Abnormal Psychology*. 1968. № 73. Pp. 256-262.
32. Zimbardo P. Learned helplessness, depression and the Stanford prison study // *Psychology Today*. 1973.

Frolov E. A. Learned helplessness and ways to overcome it in younger schoolchildren: on the example of a consultative case

The article is devoted to the phenomenology of learned helplessness and the problems of overcoming it. The author analyzes the main points of view on phenomenology and the definition of learned helplessness. The work contains a description of cases with learned helplessness, on the basis of which the author describes an approach to studying and overcoming the phenomenology of helplessness in primary school age. The conditions of occurrence and the phenomenology of learned helplessness in younger schoolchildren allows us to analyze its functional and structural elements. The author presents the results of an aerobic study of the conditions for overcoming learned helplessness.

Keywords: learned helplessness, phenomenology of learned helplessness, genesis of learned helplessness, overcoming of learned helplessness.

УДК 316

А. И. Дончук, К. В. Элеева

Несогласие в команде: польза инакомыслия

Аннотация:

Несогласие в команде – ситуация, при которой имеются различные точки зрения по каким-либо вопросам, связанным с деятельностью коллектива. Одни команды активно обсуждают возникающие противоречия, другие же предпочитают замалчивать проблемы. В данной статье рассматриваются преимущества открытого обсуждения вопросов для повышения эффективности принятия решений в команде над избеганием конфликтов для создания иллюзии взаимопонимания.

Ключевые слова: рабочий коллектив, команда, принятие решений, мозговой штурм, ложная гармония, групповое мышление, креативность.

Об авторах: Дончук Александра Ивановна, студент 4 курса кафедры безопасности в цифровом мире, МГТУ им. Н. Э. Баумана; эл. почта: sachadonchuk2001@mail.ru

Элеева Кермен Владимировна, студент 4 курса кафедры безопасности в цифровом мире, МГТУ им. Н. Э. Баумана; эл. почта: ealeevakv@student.bmstu.ru

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, доктор философских наук, профессор, МГТУ им. Н. Э. Баумана, Государственный университет «Дубна»; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Введение

Согласно исследованию LinkedIn, креативность – самый важный навык в современном мире [11]. Креативность – это способ находить новые возможности, разрабатывать прорывные стратегии, отрываться от конкурентов с помощью подготовки необычных, уникальных бизнес-предложений. Компаниям-разработчикам программного обеспечения нужен не просто кто-то, кто может писать код, им нужен кто-то, кто может придумать новое программное обеспечение для решения старых проблем. Компаниям не

нужны бизнес-аналитики, которые просто обрабатывают цифры; им нужны аналитики, способные придумывать креативные решения на основе того, что им говорят цифры.

И такая креативность развивается только в том случае, когда команда может открыто обсудить возникшие идеи, оспорить их, и даже начать конфликтовать. Так, при прохождении собеседования в любую FAANG-компанию (Amazon, Apple, Netflix, Google и т.д.) специалист по персоналу обязательно задаст вопрос о том, как претендент решает конфликты и что будет делать, если не согласен с остальной командой. Цель такого интервью – понять, способен ли кандидат проявить смелость в предложении своих идей для обсуждения: компании-гиганты хотят видеть в своих сотрудниках людей, не способных к ложной гармонии.

Профессор А. Грант из Уортонской школы бизнеса называет таких людей «оригиналами», и именно им он посвятил одну из своих последних работ «Originals: How Non-Conformists Move the World» (Оригиналы: как нонконформисты двигают мир вперед) [4]. Идея книги заключалась в том, что прочная корпоративная культура не всегда идет на благо компании. Всем необходима своя оппозиция, а если ее нет, то нужно предпринимать срочные шаги по ее внедрению. Всем известен пример с масштабным сокращением доли рынка компании BlackBerry в связи с выходом на авансцену корпорации Apple. Руководство BlackBerry допустило стратегическую ошибку, не восприняв всерьез концепцию iPhone, строящуюся на разработке приложений. Компания продолжала нанимать инженеров и IT-специалистов, которые все как один считали, что смартфон от Apple – это просто «игрушка для подростков», в результате чего компания начала терпеть убытки и вскоре обанкротилась [5, с. 37].

Понятие «ложной гармонии» и его роль в командных процессах

В XXI в. актуальной становится проблема «ложной гармонии» – нового термина, обозначающего иллюзию гармоничных отношений в рабочем коллективе и проявляющегося в отсутствии открытых споров и разногласий. Команда предстает в глазах окружающих сплоченной и единой в своих взглядах. Однако такая гармония обманчива – вместо того, чтобы прямо выражать свое мнение по важным и значимым для организации вопросам, каждый оставляет его при себе, ведь обсуждение подобных глубоких тем находится под неофициальным запретом и не приветствуется в рабочей среде [12, с. 432].

Примером ситуации, в которой разногласия намеренно умалчивались, является случай, произошедший с Natus Vincere — украинской мультигейминговой

киберспортивной организацией, имеющей чемпионское звание в различных дисциплинах. Значимым игроком организации был Д. «Zeus» Тесленко, основатель и капитан команды по дисциплине CS (Counter-Strike). Начало их спортивного пути было ознаменовано победой в чемпионате и регулярными призовыми местами. Однако между Тесленко и остальной командой созревало конфликт, который менеджеры команды старались не замечать: расходились мнения по поводу тренировок, выбора стратегии, а былых побед давно не было.

Команда не хотела открытого обсуждения, соглашаясь с тем, что было предложено. Попытки капитана провести дискуссии по поводу сложившейся ситуации были проигнорированы, а в итоге он был исключен как человек, нарушающий гармонию в команде. Позднее он нашел себя в другой команде – Gambit Esports, где его подход был замечен, а идеи приняты на обсуждение. Подход Gambit Esports привел к победе на главном чемпионате [2].

При отсутствии дискуссионных вопросов, наверняка выявивших бы сторонников противоположных позиций, появление конфликтов становится невозможным, ведь они подразумевают столкновение различных точек зрения. В этом случае рабочий коллектив, не позволяя себе участие в конфликтах, становится не примером «идеальной» команды, которая приходит к компромиссу по всем актуальным для нее вопросам, но лишь ее «имитацией».

В ситуации «ложной гармонии» присутствует много формализма и недосказанностей; отказ от обсуждения действительных противоречий приводит также к нарушению системы вознаграждений: сотрудники получают награду не за решение важных для организации проблем, коренным образом изменившее ее судьбу, а за выполнение довольно обыденных задач, не приносящих удовлетворения и самим сотрудникам, и руководящему составу [13, с. 434].

Умению высказывать свою точку зрения уделяется особое внимание в пятерке крупных IT-компаний «MANGA» (бывш. FAANG) — Meta, Amazon, Netflix, Google и Apple. Нанимающий менеджер оценивает не только технические знания кандидата, но и его умение вести себя в команде. Например, Amazon имеет шестнадцать принципов лидерства, которых придерживаются все сотрудники компании. Они применяют их в повседневной работе — обсуждая идеи, решая проблемы покупателей или нанимая сотрудников. Внимание приковывает тринадцатый принцип «Have backbone: disagree and commit» – иметь внутренний стержень: не соглашаться и действовать. В ситуации, когда

сотрудник не согласен с принятым решением, ему неудобно или некомфортно, он незамедлительно должен высказать свое мнение и даже оспорить слова своих коллег. По мнению основателя Amazon Дж. Безоса, лидеры должны быть настойчивы и тверды, они не идут на компромиссы ради социальной сплоченности.

Этот подход помогает избежать ложной гармонии и достигать успеха. Команда Amazon Studios заявила о своей идее открыть стриминговую платформу со своим собственным оригинальным контентом, на что основатель Amazon высказал команде свое мнение: «спорно; неизвестно, будет ли это достаточно интересно; сложно в производстве; условия для бизнеса не очень хорошие; наличие множества других возможностей». Однако у команды было совершенно другое видение, и они хотели идти вперед.

В письме к акционерам 2016 г. Безос писал: «Я не согласен и согласен, и надеюсь, что это станет самой просматриваемой вещью, которую мы когда-либо делали... Подумайте, насколько медленнее был бы этот цикл принятия решений, если бы команде действительно нужно было убедить меня, а не просто получить мое обязательство. Обратите внимание, чем этот пример не является. Я не думаю про себя: «Ну, эти ребята ошибаются и упускают суть, но это не стоит того, чтобы я гонялся за ними». Это искреннее несогласие во мнениях, откровенное выражение моей точки зрения, шанс для команды взвесить мою точку зрения и быстрое, искреннее стремление идти своим путем. А учитывая, что эта команда уже привезла домой 11 «Эмми», 6 «Золотых глобусов» и 3 «Оскара», я просто рад, что меня вообще пустили в зал!» [8].

Возникновение «ложной гармонии» возможно по самым разным причинам — она может стать следствием психологических особенностей членов команды, как и характера сложившейся системы социальных взаимодействий. Весьма важное значение для изучения указанного понятия имеет термин «групповое мышление», отражающий такую социальную ситуацию, когда при решении общей проблемы ключевым фактором становится не определение правильных действий, а стремление прийти к единому мнению. При этом точки зрения, отличные от той, которую команда собирается принять, не рассматриваются; рабочий коллектив отстраняется от попыток изучить проблему с разных сторон, в том числе, абстрагируется от внешнего влияния.

Понятие «группового мышления», в свою очередь, тесно связано с понятием «группового подкрепления». Оно обозначает ситуацию, при которой внутри социальной группы закрепляется некоторое убеждение, принимаемое ее членами за истину вне зависимости от того, насколько оно соответствует действительности. Закрепление

достигается посредством многократного повторения идей, концепций, так или иначе связанных с данным утверждением, в результате которого оно воспринимается «аксиомой» и даже в случае разоблачения недостоверности его самого или источников, на основе которых оно формировалось, ситуация не меняется коренным образом: убеждение остается устойчивым, и члены социальной группы по-прежнему ему следуют [3, с. 76-77].

Разнообразие мнений и командное творчество

Ряд исследований показал, что более разнообразные команды имеют потенциал для рассмотрения большего диапазона точек зрения и выработки более инновационных и качественных решений, чем менее разнообразные команды. М. Тэтчер однажды заявила: «мне консенсус кажется процессом отказа от всех убеждений, принципов, ценностей и политики в поисках чего-то, во что никто не верит, но против чего никто не возражает». Бывший премьер-министр Великобритании считал, что консенсус противоположен убеждению. Судя по результатам исследований, она была права. Консенсус – убийца инноваций. В погоне за консенсусом мы идем на уступки и компромиссы. Этот процесс приводит к менее оригинальному мышлению и менее творческим результатам. «Нам не удастся сделать прорывные инновации, и мы удивляемся, почему».

Представление о том, что группы работают лучше, когда они разделяют и даже противостоят различиям, имеет некоторое сходство с исследованиями о ценности инакомыслия и разнообразия [10, с. 412]. Часто считается, что разнообразие способствует качеству решений, предположительно из-за множественных перспектив, которые оно обеспечивает. Предполагается, что эффективность несогласия меньшинства зависит от когнитивного конфликта, который оно вызывает, и в настоящее время существует много доказательств того, что оно стимулирует дивергентное мышление и повышает качество мышления и решений группы.

Например, люди, подверженные инакомыслию меньшинства, ищут информацию по всем сторонам вопроса; используют все стратегии для достижения результата; и обнаруживают решения, которые в противном случае остались бы незамеченными. Было установлено, что такие мыслительные процессы приводят к лучшим суждениям и решениям [12, с. 203]. Кроме того, в более естественных условиях есть доказательства того, что группы, в которых есть несогласные, принимают лучшие решения. Организации работают лучше, когда инакомыслие ценится и выражается.

Изучая вопрос групповой креативности, исследователи отмечают весьма эффективный метод мозгового штурма. Он эффективен за счет решения таких проблем

рабочего коллектива, как страх перед оценкой и социальное бездействие. Чтобы уменьшить влияние подобных негативных факторов, людей специально поощряют подчеркивать количество идей и, что более важно, специально инструктируют не критиковать свои или чужие идеи. Напротив, их поощряют к свободе действий, развитию и доработке чужих идей [1, с. 49].

Ч. Немет, Дж. Гонкало решили проверить потенциальную ценность разрешения критики и несогласия (условие «Дебаты»), а не подчеркивания согласия и отсутствия критики (традиционное условие «Мозговой штурм»). Учитывая, что инструкции по проведению мозгового штурма очень четкие и призывают членов группы не критиковать идеи друг друга, эта инструкция была заменена инструкцией, поощряющей дебаты и критику. В контрольном (так называемом минимальном) условии не было предложено никаких инструкций, кроме описания задания. Исследователи предсказали, что в условии «Дебаты» будет генерироваться больше идей, чем в условии «Минимум», а в условии «Дебаты» будет столько же идей (или больше), сколько и в традиционном условии «Мозговой штурм». Данные предположения были проверены в культурах США и Франции.

В американской выборке испытуемыми были 260 женщин (52 группы по пять человек), добровольно изъявивших желание участвовать в исследовании на факультете психологии Калифорнийского университета в Беркли. Во французской выборке испытуемыми были 195 мужчин и женщин (39 групп по пять человек), добровольно согласившиеся участвовать в исследовании на занятиях по психологии в парижском университете. При входе испытуемых усаживали за стол и просили не разговаривать до начала исследования. Всем группам сказали, что руководителя эксперимента интересует тема, как уменьшить загруженность дорог в Сан-Франциско/районе залива в Париже. Им было дано 20 минут на то, чтобы придумать как можно больше хороших решений проблемы.

В каждой сессии один испытуемый был случайным образом назначен регистратором для группы. Вместо того, чтобы участвовать в обсуждении, ему поручалось записывать каждую идею, которую генерировала группа. Тема мозгового штурма повторялась, и испытуемым напоминали, что у них есть 20 минут на выполнение задания. Во всех условиях им сказали: «Придумайте как можно больше хороших решений проблемы». В условии «Минимум» группам не давали никаких дополнительных инструкций. В условии «Мозговой штурм» им были даны традиционные элементы

мозгового штурма, включая совет не критиковать. Им сказали: «большинство исследований и советов показывают, что лучший способ выработать хорошие решения – это выработать много решений. Свободное высказывание приветствуется; не бойтесь говорить все, что приходит в голову. Однако, кроме того, большинство исследований показывают, что вы должны исключить критику. Вы не должны критиковать чужие идеи».

В условии «Дебаты» инструкции были такими же, как и в мозговом штурме, за исключением совета не критиковать. Напротив, участникам было рекомендовано вступать в дебаты и даже критиковать. Им сказали: «Большинство исследований и советов говорят о том, что лучший способ выработать хорошие решения – это выработать много решений. Свобода действий приветствуется; не бойтесь говорить все, что приходит на ум. Однако, кроме того, большинство исследований показывают, что вы должны обсуждать и даже критиковать идеи друг друга».

По истечении 20 минут экспериментатор вернулся в комнату и забрал лист с групповым решением. Затем каждый участник индивидуально выполнил два задания. В первом случае их просили записать все решения, которые пришли им в голову во время группового обсуждения, но не были высказаны. Во втором случае их просили записать любые решения, которые они могли сейчас иметь после завершения группового обсуждения. После завершения опроса им разрешили задать вопросы, а затем были подведены итоги. Предположения исследователей подтвердились: в условии «Дебаты» было сгенерировано больше идей, чем в условии «Минимум» (в обеих странах), а в условии «Дебаты» во Франции было сгенерировано примерно столько же идей, сколько и в традиционном условии «Мозговой штурм», и больше идей, чем в традиционном условии «Мозговой штурм» в США (см. таблицу 1 и гистограмму 1) [9, с. 370-371].

Группа	Условие «Минимум»	Условие «Мозговой штурм»	Условие «Дебаты»
США	22.3	26.6	36.3
Франция	22.9	23.8	26.1

Таб. 1. Результаты эксперимента

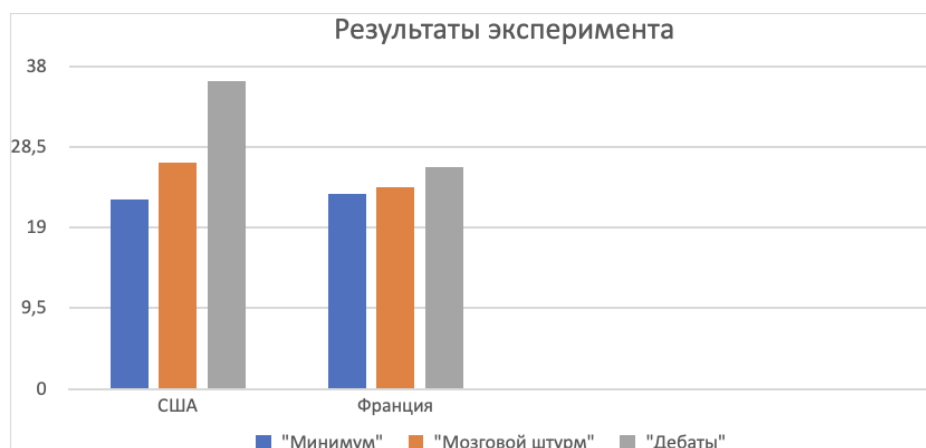

Рис. 1. Результаты эксперимента

Принимая во внимание полезные аспекты инакомыслия, многие стартап-акселераторы, например, Y Combinator, намеренно обучаются формированию спорных, противоречивых ситуаций в рабочей среде, внешне кажущейся благоприятной. Стимулирование появления подобных моментов сочетается с мощной системой поддержки всех членов рабочего коллектива, организацией дискуссий на проблемные темы с обязательной обратной связью. Улучшению эффективности компаний способствует и то, что стартап-акселераторы помогают руководителям обрести уверенность в постановке смелых целей, которые могут казаться невыполнимыми; поощряют команду делиться своими мыслями касательно поставленных целей, представлять друг другу собственные идеи их реализации, совместно участвовать в разработке презентаций продуктов потенциальным клиентам и пр., что повышает уровень продуктивного напряжения и стимулирует активную деятельность [7].

Поощрение инакомыслия применяется и творческой компанией Pixar. Один из проверенных способов достижения сбалансированной критики – «плюсование». Это концепция заключается в том, что критиковать идею можно только в том случае, если у критикующего есть что-то конструктивное в ответ. Человек может сказать, что не совсем согласен с чем-то, но затем должен предложить что-либо с использованием конструкций «а что, если» или «но... я думаю». Идея заключается в том, чтобы создать открытые, но структурированные дебаты, которые действительно строятся на фундаменте представленного материала. Иногда идеи полностью отвергаются, но только для того, чтобы заменить их на более удачные или доработать концепцию, которая уже работает. Этот формат настолько успешен, что ежедневные утренние совещания в Pixar полностью состоят из представления вчерашней работы и «плюсования». То, что представляется,

обычно даже не является завершенным или доработанным – это просто фрагменты черновиков и идей [6, с. 165].

Таким образом, несогласие в команде – распространенная ситуация, оказывающая позитивное влияние на командные процессы, которое выражается в предоставлении возможности выявить недостатки того или иного положения дел и обнаружить наиболее эффективный способ решения имеющейся проблемы. Открытое обсуждение различных точек зрения приводит к повышению креативности идей рабочего коллектива и росту производительности труда. Польза инакомыслия хорошо известна современным организациям, которые активно используют ее в своих целях.

Библиографический список:

1. Болюбыш Д. А. Мозговой штурм как метод принятия управленческих решений на предприятии / Д. А. Болюбыш, К. Д. Королева // Наука, студенчество, образование: актуальные вопросы современных исследований: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза, 2022. С 48-50.
2. Борисов А. Как Даниил Zeus Тесленко стал легендой Counter-Strike и вывел украинский киберспорт на мировой уровень [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://birdinflight.com/ru/sponsorship/kak-danil-zeus-teslenko-stal-legendoj-cs.html> (дата обращения: 19.11.2022).
3. Волкова Е. В. Факторы группового мышления в деятельности кросс-функциональных рабочих групп / Е. В. Волкова, М. В. Плотников // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 3 (55). С. 74-84.
4. Грант А. Оригиналы: как нонконформисты двигают мир вперед. М.: Издательство АСТ: Corpus, 2019. 384 с.
5. Грант А. Подумайте еще раз. Сила знания о незнании. М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2021. 272 с.
6. Кэтмелл Э. Корпорация гениев. Как управлять командой творческих людей / Э. Кэтмелл, Э. Уоллес. М.: Альпина Паблишер, 2019. 344 с.
7. Лиханова Е. Как Y Combinator изменил мир [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://rb.ru/story/y-combinator-world/> (дата обращения: 19.11.2022).

8. Bezos J. Letter to Shareholders [Electronic resource] // Available at: <https://www.aboutamazon.com/news/company-news/2016-letter-to-shareholders> (accessed date: 19.11.2022).
9. Goncalo J. The liberating role of conflict in group creativity: A study in two countries / J. Goncalo, C. Nemeth // *European Journal of Social Psychology*. 2020. №34. Pp. 365–374.
10. Martins L. Searching for Common Threads: Understanding the Multiple Effects of Diversity in Organizational Groups / L. Martins, F. Milliken // *The Academy of Management Review*. 2018. №2. Pp. 402-433.
11. Petrone P. Why Creativity is the Most Important Skill in the World [Electronic resource] // Available at: <https://www.linkedin.com/business/learning/blog/top-skills-and-courses/why-creativity-is-the-most-important-skill-in-the-world> (accessed date: 19.11.2022).
12. Staw B. The Tradeoffs of Social Control and Innovation in Groups and Organizations // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1989. Vol. 22. Pp. 175-210.
13. Williams C. Artificial harmony: Why cooperative efforts to create a global financial intelligence unit have faltered // *Journal of Money Laundering Control*. 2019. №4. Pp. 428-439.

Donchuk A. I., Eleeva K. V. Team Disagreement: The Benefits of Dissent

Disagreement in the team is a situation in which there are different points of view on any issues related to the activities of the team. Some teams actively discuss the emerging contradictions, while others prefer to hush up the problems. Article discusses the benefits of open discussion of issues to improve the efficiency of decision-making in a team over avoiding conflicts to create the illusion of mutual understanding.

Keywords: work collective, team, decision making, brainstorming, artificial harmony, group thinking, creativity.